

A decorative border with intricate, symmetrical scrollwork and floral patterns, framing the central text.

Вильям Шекспир

**МНОГО ШУМА
ИЗ НИЧЕГО**

Перевод Юрия Лифшица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДОН ПЕДРО, принц Арагонский.

ДОН ДЖОН, его побочный брат.

КЛАВДИО, молодой лорд из Флоренции.

БЕНЕДИКТ, молодой лорд из Падуи.

ЛЕОНАТО, правитель Мессины.

АНТОНИО, его брат.

БАЛЬТАЗАР, слуга дона Педро.

КОНРАД
БУТЫЛЬО } приближенные дона Джона.

ОТЕЦ ФРЭНСИС.

ЧЕРТОПОЛОХ, констебль.

ОБРЕЗОК, его помощник.

ПИСАРЬ.

МАЛЬЧИК.

ГЕРО, дочь Леонато.

БЕАТРИЧЕ, племянница Леонато.

МАРГАРИТА } камеристки Геро.

УРСУЛА

ЛОРДЫ, ПОСЫЛЬНЫЕ, СТРАЖА, СВИТА, СЛУГИ.

Место действия — Мессина.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Перед домом Леонато.

Входят ЛЕОНАТО, ГЕРО, БЕАТРИЧЕ и ПОСЫЛЬНЫЙ.

ЛЕОНАТО. Если верить письму, дон Педро, принц Арагонский, с минуту на минуту станет нашим гостем.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Совершенно верно. Я оставил его в трех лигах от Мессины.

ЛЕОНАТО. Скольких джентльменов не досчитались вы по окончании битвы?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Из простых дворян — одного-двух, из высоко-родных — ни одного.

ЛЕОНАТО. Дважды победитель тот, чьи ряды почти не поре-дели. В письме говорится, что нынче у принца в особенной чести молодой флорентиец Клавдио.

ПОСЫЛЬНЫЙ. По заслугам и почести — иначе бы дон Педро не отличал бы его. С виду ягненок, но сущий лев в бою, Клавдио превзошел самого себя — и это в его-то годы! Он действительно оправдал больше надежд, чем вы надеетесь узнать об этом из моего ненадежного рассказа.

ЛЕОНАТО. Кажется, у него есть дядя в Мессине — то-то он обрадуется!

ПОСЫЛЬНЫЙ. Уже радуется. Когда я передал ему эту весть, его счастье было столь велико, что не сочло нескромным присвоить себе некоторые атрибуты несчастья.

ЛЕОНАТО. Иными словами, он прослезился?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Не то слово.

ЛЕОНАТО. Естественное излияние благородного естества. На-сколько же прекрасна личность, способная очищать себя такого рода ливнем! Кто может проливать слезы радости, того ничем не обрадуют чужие слезы.

БЕАТРИЧЕ. А что, синьор Эспадрон тоже остался в живых или как?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Я впервые слышу это имя, леди. В нашем отряде таковой не значился.

ЛЕОНАТО. Ты на кого намекаешь? А, племянница?

ГЕРО. Ну, как же! Сестрица интересуется синьором Бенедиктом Падуанским.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Если так, то он жив-здоров и по-прежнему веселится напропалую.

БЕАТРИЧЕ. Вызывая на поединок самого Купидона, он носился по всей Мессине со своими, как ему казалось, легкими и острыми стрелами. Но за Купидона вступился дядюшкин шут, и весьма успешно, хотя его стрелы оказались и тяжелее, и тупее. Интересно, скольких врагов Бенедикт самолично отправил на съедение червям? То есть — на тот свет, поскольку каждого убитого им врага я обещала съесть сама.

ЛЕОНАТО. Честное слово, племянница, не стоит так набрасываться на синьора Бенедикта. Смотри, он приедет и поквитается с тобой. Я в этом более чем уверен.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Он не отсиживался в запасе, леди.

БЕАТРИЧЕ. Потому что, видимо, засиживался на кухне, уничтожая запасы затхлого продовольствия. Героический аппетит плюс доблестный желудок — только и всего.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Он славно дрался, леди.

БЕАТРИЧЕ. Славно дрался — с леди. А как — с лордами?

ПОСЫЛЬНЫЙ. С лордами — как лорд, с солдатами — по-солдатски. Он исполнен самых благородных качеств.

БЕАТРИЧЕ. Точнее — наполнен, как... чучело, в котором полно соломы. Но каковы эти самые качества в его исполнении? Впрочем, все мы несовершенны.

ЛЕОНАТО. Не подумайте чего насчет моей племянницы, сэр. Когда они сходятся с синьором Бенедиктом, то воюют не на шутку, забрасывая друг друга остротами.

БЕАТРИЧЕ. Меня своими ему, увы, еще ни разу не удалось забросать. После нашей последней схватки он лишился ума, рассудка, воображения и фантазии. При нем осталась только память, благодаря которой он кое-как отличается от лошади и с переменным успехом пытается выдать себя за человека разумного. Кто нынче водит с ним компанию? Он же меняет побратимов, как перчатки.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Не может быть!

БЕАТРИЧЕ. Еще как может. Его порядочность похожа на его прическу: при виде очередного болвана он спешит оболваниться на его манер.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Все ясно, леди: этого джентльмена вы за здравие не поминаете.

БЕАТРИЧЕ. Скорее за упокой, в противном случае я спалила бы церковь. Но вы мне ничего не сказали насчет его приятелей. Ручаюсь, без молодого бездельника, который может отправиться с ним черт знает куда, он не обходится.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Он почти неразлучен с благородным Клавдио.

БЕАТРИЧЕ. Господи, помилуй бедного юношу! Бенедикт опаснее всякой болезни, заразнее самой чумы. Тот, кто его подцепит, мигом впадет в идиотизм. Бог ты мой! Если такая зловредная хвороба, как Бенедикт, привязалась к этому благородному молодому человеку, то он скорее разорится, чем излечится от нее.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Хотел бы я, леди, попасть в число ваших друзей.

БЕАТРИЧЕ. Как вам будет угодно, друг мой.

ЛЕОНАТО. Кому-кому, племянница, а тебе до идиотизма далеко.

БЕАТРИЧЕ. Как и всем нам — до пекла в январе.

ПОСЫЛЬНЫЙ. А вот и дон Педро.

Входят ДОН ПЕДРО, ДОН ДЖОН, КЛАВДИО, БЕНЕДИКТ
и БАЛЬТАЗАР.

ДОН ПЕДРО. Дорогой синьор Леонато, пеняйте на себя: всем в тягость дополнительные хлопоты и траты, а вам они в радость.

ЛЕОНАТО. Еще ни разу приезд вашей светлости не доставил моим домашним особенных хлопот. Если мы, избавляясь от них, испытываем радость, то я, расставаясь с вами, вместо радости чувствую только грусть.

ДОН ПЕДРО. Да, но вы с радостью взваливаете на себя слишком тяжелое бремя забот. — Сдается мне, это ваша дочь?

ЛЕОНАТО. Во всяком случае ее мать не забывала мне об этом напоминать.

БЕНЕДИКТ. Что было с вашей памятью, если вы постоянно об этом забывали?

ЛЕОНАТО. Ничего, синьор Бенедикт. Я помню все, даже то, что вы тогда под стол пешком ходили.

ДОН ПЕДРО. Так вам и надо, Бенедикт. Глядя на вас, мы догадываемся, что можно и вырасти, и не повзрослеть. — Впрочем, я спрашивал напрасно: дитя — точная копия своего родителя. (К ГЕРО.) Это большая удача, леди, походить во всем на такого достопочтенного человека. (*Отходит в сторону вместе с ЛЕОНАТО и ГЕРО.*)

БЕНЕДИКТ. Сходство между синьором Леонато и этой синьорой не подлежит сомнению, но едва ли дочка — даже ценою целой Мессины — пожелает взять себе голову отца.

БЕАТРИЧЕ. Была охота распинаться, синьор Бенедикт, когда вас никто не желает слушать. Это просто удивительно.

БЕНЕДИКТ. Что такое, госпожа Зловредность? Разве вы еще живы?

БЕАТРИЧЕ. Пока Зловредность питается такими безвредными особями, как синьор Бенедикт, она бессмертна. Сама Учивость будет шпынять вас из вредности.

БЕНЕДИКТ. И тем самым нанесет самой себе непоправимый вред. Кстати говоря, меня обожают все дамы, кроме вас. И хотя у меня самого сердце болит, оттого что оно ледяное, еще не родилась женщина, способная его растопить.

БЕАТРИЧЕ. Тем лучше для женщин. С таким леденящим душу воздыхателем, как вы, окоченеешь насмерть. Слава Богу, мой хладнокровный нрав подобен вашему: для меня мужчина с его любовными клятвами противнее пустолайки, брешущей на ворон.

БЕНЕДИКТ. Помогите вам Бог, леди! Продолжайте в том же духе, и тогда те или иные джентльмены уберегут лицо от лишних царапин.

БЕАТРИЧЕ. Личность, подобную вашей, лишняя царапина на лице только украсит.

БЕНЕДИКТ. Вам бы попугаев обучать — так ловко вы владеете своим языком.

БЕАТРИЧЕ. Если птичка овладеет языком благодаря мне, она будет изъясняться лучше, чем чудо-юдо вроде вас.

БЕНЕДИКТ. А если бы моя лошадь была так резва и выносила, как ваш язычок, я был бы на коне. Ну, да Бог с вами, можете продолжать, а я пас.

БЕАТРИЧЕ. Мне давно известен ваш конек — пасовать с лошадиной шуткой.

ДОН ПЕДРО. Так тому и быть, Леонато. (**КЛАВДИО и БЕНЕДИКТУ.**) Синьоры! Мой добрый друг Леонато уговаривает всех нас пожить у него. Я предполагал погостить с месяц, но хозяин от всего сердца уповает на случай, который удлинит время нашего пребывания. Слово чести: это не лицемерие, а подлинное радушие.

ЛЕОНАТО. Вы дали честное слово, милорд, значит, бесчестие вам не грозит. (**ДОНУ ДЖОНУ.**) Если ваши разногласия с принципом, вашим братом, устранены, милости прошу и вас, милорд. Можете располагать мной, как вам будет угодно.

ДОН ДЖОН. Благодарю вас. Я не любитель пышных фраз, но... я вас благодарю.

ЛЕОНАТО. Не угодно ли вашему сиятельству войти в дом?
ДОН ПЕДРО. Только вместе с вами, Леонато. Вашу руку.

(Все, кроме КЛАВДИО и БЕНЕДИКТА, уходят.)

КЛАВДИО. Бенедикт, ты обратил внимание на дочь синьора Леонато?

БЕНЕДИКТ. Нет, хотя смотрел на нее очень внимательно.

КЛАВДИО. Благовоспитанная девушка, ты не находишь?

БЕНЕДИКТ. Что означает твой вопрос? Ты хочешь честь по чести узнать мою истинную точку зрения на этот предмет или тебя устраивает традиционное мнение такого старого женоненавистника, как я?

КЛАВДИО. Ни в коем случае. Мне нужен твой честный и откровенный ответ.

БЕНЕДИКТ. Итак, на мой взгляд, если хвалить ее по большому счету, она маловата; если на полную катушку, — худовата; если на весь белый свет, — смугловата. От моих щедрот ей перепадет только одно признание: в каком-либо другом облиции она стала бы дурнушкой, а в своем нынешнем — она мне не по душе.

КЛАВДИО. Знаешь, мне не до шуток. Отвечай, как на духу, нравится она тебе или нет?

БЕНЕДИКТ. Ты что, решил ее приобрести или только прицениваешься?

КЛАВДИО. Такое сокровище никому не по карману!

БЕНЕДИКТ. Неправда. И прикарманить его есть кому, и не смыкать глаз подле него. Но что с тобой? Ты серьезно озабочен или притворяешься? А может, ты строишь из себя завязтого зубоскала и прямо сейчас примешься называть Купидона охотником за зайцами, а Вулкана мастером по дереву? Какую ноту мне взять, чтобы попасть в твою тональность?

КЛАВДИО. Из всех, кого я видел, это самое бесподобное существо на свете.

БЕНЕДИКТ. Я хорошо вижу без очков, но ничего подобного в этом существе не приметил. Вот ее кузина — подлинная красавица. И если бы не засевшая в ней фурия, она бы отличалась от сестры точно так же, как майские деньки от декабрьских. Но, я надеюсь, у тебя не возникло желания выйти в мужья? Или как?

КЛАВДИО. Если бы Геро пошла за меня, а я отказался от нее, я солгал бы самому себе.

БЕНЕДИКТ. Докатился! Нет, видимо, тебе — да и никому в мире — не носить шапки, которая не топорщилась бы на голове самым подозрительным образом. Отсюда вывод: в природе не водятся неженатикки шестидесяти лет от роду. Ну да ладно. Суй

себе холку в ярмо, если хочешь по воскресеньям жевать семейную жвачку. — А вот и дон Педро. Он, похоже, вернулся за нами.

Входит ДОН ПЕДРО.

ДОН ПЕДРО. Если не секрет, какие тайны помешали вам пойти вместе со мной и Леонато?

БЕНЕДИКТ. Ваше высочество, сперва прикажите мне донести на графа.

ДОН ПЕДРО. Если ты воистину предан мне, доноси.

БЕНЕДИКТ. Верьте слову, граф Клавдио, когда мне доверяют тайну, я немею. Но если мне намекают о моей преданности, а тем более — обратите внимание! — об истинной преданности, делать нечего. Итак, он полюбил. Кого именно? Это будет реплика вашего высочества. Быстроглазую Геро, дочь Леонато, — быстренько ответит он.

КЛАВДИО. Если бы так было на самом деле, ответ правильный.

БЕНЕДИКТ. Как в старинных преданиях, милорд: «Этого не было, этого нет и не дай Бог этому случиться».

КЛАВДИО. Господи! если моя страсть не остынет с быстротой молнии, пусть случится именно это!

ДОН ПЕДРО. Аминь! Если ты влюблен в эту девушку, тебе повезло: ей цены нет.

КЛАВДИО. Вы ловите меня на слове, милорд?

ДОН ПЕДРО. Я сказал, что думаю, даю слово.

КЛАВДИО. И я, что думаю, то и сказал, клянусь честью.

БЕНЕДИКТ. И я, что сказал, то и думаю; и даю то же самое и клянусь тем же, чем и вы.

КЛАВДИО. Я чувствую, что люблю ее.

ДОН ПЕДРО. Я знаю, что ей нет цены.

БЕНЕДИКТ. А я не чувствую, что ее стоит любить, и не знаю, какова ей цена. Пробуйте меня каленым железом, сожгите на костре, но от этого своего убеждения я не отрекусь.

ДОН ПЕДРО. Ты на словах всегда был пламенным атеистом в любви.

КЛАВДИО. И если бы не пересиливал себя, никогда бы не сыграл этой роли на деле.

БЕНЕДИКТ. Женщина носила меня под сердцем — большое спасибо. Она же разрешилась мной — низкий поклон. Но представлять к моему лбу невидимые глазу рога, в которые могут трубить все, кому не лень, — это уж извините. Разувериться в одной-единственной особе женского пола, значит, обидеть ее, поэтому я отказываюсь верить всем до единой особям этого рода. В заключение прошу принять к сведению, что ни одна из них не сведет меня с ума и что я умру холостяком.

ДОН ПЕДРО. Прежде чем умру я, ты на моих глазах позелееешь от любви.

БЕНЕДИКТ. Очень может быть, милорд, только не от любви, а, допустим, от разлития желчи, хвори или голода. Если однажды я перестану горячить кровь выпивкой, оттого что стану портить ее себе амурными делами, ослепите меня пером бездарного строчкогона и приколотите к дверям борделя — буду изображать слепого Купидона.

ДОН ПЕДРО. Если ты со временем перестанешь исповедовать свою веру, тебе проходу не будет от остроу.

БЕНЕДИКТ. Тогда вы можете засунуть меня в кувшин, как кошку, и открыть по мне стрельбу. Лучший стрелок удостоится аплодисментов и звания Адама Белла.

ДОН ПЕДРО. Поживем — увидим. Есть же пословица: «В ярме и дикий бык домашним станет».

БЕНЕДИКТ. Но это же скотина неразумная! А вот если человек по имени Бенедикт позволит себя захомутать — можете сломать быку рога, присобачить их мне на лоб, раскрасить меня самым гнусным образом и повесить на грудь громадное объявление, на котором вместо «Хорошая лошадь напрокат» будет нацарапано: «Окрученный Бенедикт на обозрение».

КЛАВДИО. Тогда ты, чего доброго, начнешь бросаться на всех с рогами наперевес.

ДОН ПЕДРО. Ничего подобного. Если Купидон не опустошит своего колчана в Венеции, Бенедикт в самое ближайшее время примет участие в этом представлении.

БЕНЕДИКТ. Не раньше, чем произойдет светопреставление.

ДОН ПЕДРО. Там посмотрим. А пока, дорогой синьор Бенедикт, ступайте к Леонато. Поприветствуйте его от моего имени и передайте, что я не изменил решения отужинать у него. Он там готовится не на шутку.

БЕНЕДИКТ. С большой охотой, эта работа по мне. Итак, поручаю вас...

КЛАВДИО. «...попечению Божию. Составлено в собственном имени, буде таковое у меня объявится...».

ДОН ПЕДРО. «...месяца июля дня шестого. Обожающий вас друг Бенедикт».

БЕНЕДИКТ. Тоже мне, шутники нашлись. Ткань ваших остроу состоит из лоскутиков, приметанных один к другому на живую нитку. Посоветуйтесь с вашей совестью, стоит ли пускать в ход такие затасканные перлы. На этом позвольте откланяться. *(Уходит.)*

КЛАВДИО. Я вас, ваше высочество, хотел

О помощи просить.

ДОН ПЕДРО.

Но о какой?

Участие мое к твоим услугам.
Его ты научи, и твой урок,
Пусть даже трудный, вызубрит оно,
И помощь будет.

КЛАВДИО. Есть у Леонато
Наследник, кроме Геро?

ДОН ПЕДРО. Только Геро.
Ты ею очарован?

КЛАВДИО. О, милорд!
Когда в поход, увенчанный победой,
Мы собирались, я приметил Геро.
Но накануне трудного сраженья
Солдат не должен думать о любви.
Ну, а теперь, когда война забыта,
Меня теснят мечты о наслажденье,
Твердя о том, о чем я знал и раньше, —
О красоте возлюбленной моей.

ДОН ПЕДРО. И ты, как все влюбленные, намерен
Об этом нам все уши прожужжать?
Ты тешишься надеждами — изволь:
Я с Леонато переговорю,
И Геро будет наша — и без этих
Твоих витиеватых разговоров.

КЛАВДИО. Диагноз точен ваш: вы распознали
По внешности любовную болезнь.
Но я хотел сказать своим трактатом,
Что эту хворь не тотчас подхватил.

ДОН ПЕДРО. Зачем же огороды городить?
Какая вещь нужнее, ту и дарят.
Ты, если в двух словах, смертельно болен,
А я берусь тебя укрывать.
Итак, сегодня ночью, на балу,
Под маской и под именем твоим
Я отворю своей душою сердце
Твоей прекрасной Геро — слух ее
Не выдержит стремительной и мощной
Атаки нежных слов и сдастся в плен.
А утром я с отцом договарюсь,
И ты ее в итоге заполучишь.
Не надо только мешкать с этим делом.

(Уходят.)

Сцена вторая

Комната в доме Леонато.

Входит ЛЕОНАТО, *вслед за ним* — АНТОНИО.

ЛЕОНАТО. Что это значит, брат? Куда девался твой сын, а мой племянник? Где обещанная музыка?

АНТОНИО. Он ею как раз и занят. Но ты, брат, лучше послушай, что тут делается. Тебе такое и во сне не видать.

ЛЕОНАТО. Что-нибудь хорошее?

АНТОНИО. Похоже, да; и даже, если судить по первым признакам, более того. Надо только дожждаться развития событий. Мой человек, проходя мимо живых изгородей сада, невольно услышал, как принц признался графу Клавдио в любви к моей племяннице, твоей дочери. Принц намерен объясниться с ней сегодня на балу. Если она не будет против, он, немедленно попросит у тебя ее руки.

ЛЕОНАТО. А он часом не спятил?

АНТОНИО. Кто, принц?

ЛЕОНАТО. Нет, твой человек, который сморозил эту чушь.

АНТОНИО. Нет, он вовсе не глуп. Хочешь, я позову его? Он и тебе скажет то же самое.

ЛЕОНАТО. Зачем? Пусть это будет сон, по крайней мере, до тех пор пока не станет явью. Но дочку надо на всякий случай известить. Пусть будет начеку — мало ли что. Поговори с ней ты.

Входит ЕГО СЫН с МУЗЫКАНТАМИ.

Я же говорил, племянник, что ты и сам отлично справишься. Будь другом, окажи мне еще одну услугу. Без тебя, мой дорогой, как без рук, а дел невпроворот. *(Все уходят)*.

Сцена третья

Галерея дома Леонато.

Входят ДОН ДЖОН и КОНРАД.

КОНРАД. Черт побери, милорд! У вашей тоски нет ни конца, ни края.

ДОН ДЖОН. Я объят бескрайней тоской, потому что количество причин, породивших ее, бесконечно.

КОНРАД. А если пораскинуть умом?

ДОН ДЖОН. А вдруг я прокидаюсь, пораскинув?

КОНРАД. Нисколько. Если вас совсем не покинет тоска, то, как минимум, появится терпение, с которым вы будете ее выносить.

ДОН ДЖОН. Удивляюсь я тебе: ты, рожденный, по твоим словам, под знаком меланхоличного Сатурна, — и вдруг взялся читать мне мораль! Таким бальзамом смертельную рану не исцелишь. Я — вот он, как на ладони: есть причина — грущу и не отзываюсь на чужие шутки; хочу есть — сажусь обедать, даже если некому составить мне компанию; клонит в сон — ложусь спать, и мне ни до кого нет дела; а уж если мне весело — хохочу во всю горло, нравится это кому-то или нет.

КОНРАД. Да, но, пока вы под надзором, вам приходится сдерживать себя. Несмотря на ваш недавний мятеж против вашего брата, вы снова в милости у его светлости. Но, чтобы вторично расцвести, вам следует постоянно находиться на солнечной стороне. Ну, а со временем вам представится удобный случай собрать свой урожай.

ДОН ДЖОН. Лучше гнить на корню, чем цвести под солнцем его светлости. Так уж я устроен: скорее буду терпеть ненависть окружающих, чем украдкой добиваться чьей-то любви. Если я в глазах общества и не выгляжу притворно честным человеком, то за глаза меня не могут не считать законченным мерзавцем. На меня надели намордник, привязали к поводку, после чего открыли кредит доверия. Вот и вся свобода. Но петь в клетке я не буду, так и знайте! Снимите намордник — даже если я начну кусаться. Дайте мне полную свободу — даже если я примусь ходить на голове. А до той поры отстаньте от меня: я таков, каков есть, и меняться не собираюсь.

КОНРАД. А нельзя ли вам как-нибудь воспользоваться вашим раздражением?

ДОН ДЖОН. Я и так пользуюсь, хотя пользы мне от этого никакой. А вот и Бутыльо. — Ну, что там?

Входит БУТЫЛЬО.

БУТЫЛЬО. Ужин просто чудесный. Леонато потчует вашего брата как короля. А вот вам последняя новость: скоро свадьба.

ДОН ДЖОН. Какой же кретин совершил помолвку с неприятностями? Вот бы подстроить ему какую-нибудь пакость.

БУТЫЛЬО. Что вам сделала правая рука вашего брата?

ДОН ДЖОН. Что такое? Это щеголь Клавдио?

БУТЫЛЬЮ. Собственной персоной.

ДОН ДЖОН. Кавалер каких мало! Но кто же, кто она? На кого он положил глаз?

БУТЫЛЬЮ. Хотите верьте, хотите нет, но это Геро, единственная дочь Леонато.

ДОН ДЖОН. Ай да граф! желторотый, но шустрый. Расскажи подробней, как и что.

БУТЫЛЬЮ. Мне поручили проветрить дом. В одной из самых затхлых комнат я едва не наткнулся на принца и Клавдио. Они шли рука об руку и были совершенно поглощены беседой. Я успел шмыгнуть за ковер и услышал, о чем они улаживают. Принц самолично попросит руки Геро, а при согласии невесты сдаст ее с рук на руки жениху.

ДОН ДЖОН. Вот как! Надо будет этим заняться. Здесь моя злоба найдет чем поживиться. Из-за этого молодого да раннего подлипалы нанесен урон моей чести. Я бы ходил окрыленный, если бы сумел подрезать ему крылья. Мне придется прибегнуть к вашей помощи. Могу ли я вам довериться?

КОНРАД. До самой смерти, милорд.

ДОН ДЖОН. Мое унижение только улучшает им аппетит. Эх, если бы повар думал по-моему! Впрочем, и нам не мешает чудесно поужинать. Идемте, посмотрим, что там к чему.

БУТЫЛЬЮ. Располагайте нами, ваша сиятельство. (*Уходят.*)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Зал в доме Леонато.

Входят ЛЕОНАТО, АНТОНИО, ГЕРО, БЕАТРИЧЕ и ДРУГИЕ.

ЛЕОНАТО. Кажется, графа Джона за столом не было.

АНТОНИО. Я его тоже не видел.

БЕАТРИЧЕ. Терпеть не могу его кислую мину. Как взгляну на него — меня потом с час тошнит.

ГЕРО. В самом деле, очень мрачный господин.

БЕАТРИЧЕ. Из него и Бенедикта можно было бы слепить одного приличного мужчину: один стоит, как изваяние, — язык проглотил; другой не закрывает рта, как маменькин сынок.

ЛЕОНАТО. Значит, если красноречием синьора Бенедикта разбавить мрачность графа Джона...

БЕАТРИЧЕ. ...да прибавить к этому стройную фигуру, изящную походку и тугой кошелек, — перед такими достоинствами, дядюшка, не устоит ни одна женщина, если только она окажется достаточно падкой на мужчин.

ЛЕОНАТО. Помяни мое слово, племянница, ты никогда не выйдешь замуж, если будешь так подкалывать своих женихов.

АНТОНИО. Точно: она бодлива, даже слишком.

БЕАТРИЧЕ. Бодлива или слишком бодлива? Это — разница. Ведь если, как утверждают, бодливой королеве Бог рог не дает, то слишком бодливой, дядюшка, Бог может дать рогатого быка.

ЛЕОНАТО. Стало быть, либо ты будешь безрогой, либо твой муж рогачом?

БЕАТРИЧЕ. Выходит, так, если только Бог не отведит от меня всех женихов, о чем я на коленях прошу Его перед сном и по пробуждении. Господи! избавь меня от мужа-бородача, и я — так и быть! — стану укрываться войлочным одеялом.

ЛЕОНАТО. Ты можешь подцепить и безбородого.

БЕАТРИЧЕ. А на кой он мне сдался? Горничная из такого все равно не выйдет, даже если натянуть на него мое платье. Бородатый не юноша, безбородый не мужчина; юноша не муж мне, мужчине я не жена. По-моему, чем заводить своих детей, лучше, согласно пословице, проводить чужих в ад.

ЛЕОНАТО. Ты хочешь оказаться в аду?

БЕАТРИЧЕ. Никоем образом. Старый рогоносец по имени Дьявол меня и на порог не пустит. «Марш на небо, Беатриче, — скажет он мне, — марш на небо, нам тут девушки не нужны». И я, подкинув ему чужой выводок, упорхну к Святому Петру. Тот отведет меня к вечным холостякам, и мы устроим праздник вплоть до самого конца света.

АНТОНИО (к ГЕРО). А ты, племянница, будешь слушаться отца?

БЕАТРИЧЕ. Еще бы! Сестрица сделает реверанс и скажет из чувства долга: «Воля ваша, батюшка!» Но если, сестра, жених тебе не понравится, советую перед реверансом сказать: «Воля моя, батюшка!»

ЛЕОНАТО. Говори, что хочешь, племянница, но в один прекрасный день я все же познакомлюсь с твоим мужем.

БЕАТРИЧЕ. Вполне возможно, если Господь Бог изготовит его не из глины. Бедные женщины! Нами руководит не что иное, как достославный прах земной. Мы полностью подотчетны шматку какого-то перегноя. Нет, дядя, это не для меня. Кроме того, все

правнуки Адама — мои дальние родственники, а я против кроссоверов.

ЛЕОНАТО. Дочка, ты помнишь наш разговор? Если принц кое о чем тебя спросит, отвечай, как договорились.

БЕАТРИЧЕ. Его сочтут плохим танцором, если он, предлагая свою руку, споткнется под музыку. А если в случае отказа принц начнет нудно повторять одни и те же па, станцуй ему что-нибудь насчет чувства меры. Потому что — Геро, я это говорю для тебя — состояние до брака, при заключении брака и по его заключении относятся друг к другу так же, как джиги, менуэт и гальярда. Добрачное ухаживание происходит в ритме джиги: страстно, стремительно и сногсшибательно; заключение брака или венчание — в стиле музейной древности менуэта, мерного и манерного; и наконец послебрачное сожаление — в темпе головокружительной гальярды; ноги при этом постепенно заплетаются до такой степени, что сами ставят себе подножку — и кувырк в могилу.

ЛЕОНАТО. Твои наблюдения, племянница, истолкованы чересчур превратно.

БЕАТРИЧЕ. Чтобы соблюсти себя ночью, дядя, надо быть днем очень зоркой. А при солнечном освещении я способна узреть даже церковного привратника.

ЛЕОНАТО. Кажется, брат, начинается маскарад. Пора надеть маски.

Входят ДОН ПЕДРО, КЛАВДИО, БЕНЕДИКТ, БАЛЬТАЗАР,
ДОН ДЖОН, БУТЫЛЬО, МАРГАРИТА, УРСУЛА, *в масках.*

ДОН ПЕДРО. Не угодно ли прогуляться, леди?

ГЕРО. А вы кто?

ДОН ПЕДРО. Ваш друг.

ГЕРО. Если друг готов идти прогулочным шагом, смотреть только на меня и всю дорогу молчать, то я согласна идти с ним хоть на край... сада.

ДОН ПЕДРО. Вы согласны дойти со мной до самого края?

ГЕРО. Если пожелаю, то и дальше.

ДОН ПЕДРО. Я готов исполнить любое ваше желание.

ГЕРО. Прежде всего вы должны показать вашу физиономию. Не дай Бог инструмент окажется не лучше чехла.

ДОН ПЕДРО. В моем чехле, как в лачуге Филемона, сидит Юпитер.

ГЕРО. А не протекает ли крыша у этой лачуги? Что-то не видно на ней соломы.

(ДОН ПЕДРО и ГЕРО уходят.)

МАРГАРИТА. Вам надо сбавить тон, если вы хотите мне понравиться.

БАЛЬТАЗАР. Еще как хочу.

МАРГАРИТА. Тем хуже для вас.

БАЛЬТАЗАР. Почему?

МАРГАРИТА. Потому что у меня много недостатков.

БАЛЬТАЗАР. Например.

МАРГАРИТА. Я обожаю громко молиться.

БАЛЬТАЗАР. А я, слыша громкие молитвы, обожаю говорить «Аминь!» Помолитесь на пробу.

МАРГАРИТА. Господи, ниспосли мне хорошего партнера... по танцам!

БАЛЬТАЗАР. Аминь, дочь моя!

МАРГАРИТА. И пошли его куда-нибудь подальше по их окончании! Вам слово, отец мой.

БАЛЬТАЗАР. Вашему отцу и без слов все ясно.

(БАЛЬТАЗАР и МАРГАРИТА уходят.)

УРСУЛА. Я угадала, вы синьор Антонио.

АНТОНИО. Вы ошиблись.

УРСУЛА. Но вы так же, как и он, трясете головой.

АНТОНИО. Вы не поверите, но я его копирую.

УРСУЛА. Конечно, не поверю, потому что копия выходит лучше самого оригинала. Да и рука у вас такая же сухая, как у него. Сознавайтесь, вы же Антонио.

АНТОНИО. Говорю вам, нет.

УРСУЛА. Да хватит вам. Столь остроумного собеседника, как вы, то есть как синьор Антонио, еще поискать. Разве такой ум скроешь? Бросьте отнекиваться, я вас узнала. Способности, они сами себя выказывают. Вот вам и весь сказ.

(АНТОНИО и УРСУЛА уходят.)

БЕАТРИЧЕ. Значит, я сумасбродка и все свои шутки черпаю из сборника анекдотов?

БЕНЕДИКТ. Я этого не говорил.

БЕАТРИЧЕ. А кто говорил?

БЕНЕДИКТ. Прошу прощения, не скажу.

БЕАТРИЧЕ. Может, синьор Бенедикт?

БЕНЕДИКТ. А кто это?

БЕАТРИЧЕ. Полагаю, он вам хорошо знаком.

БЕНЕДИКТ. Первый раз слышу.

БЕАТРИЧЕ. Неужели он вас ни разу не рассмешил?

БЕНЕДИКТ. Кто же он такой, в конце концов!

БЕАТРИЧЕ. Шут принца и совершенно безмозглый. Непре-
взойденный мастер самой чудовищной клеветы, которая приводит
в восторг только отпетых развратников, которым его гнусности
приятней его злопыхательства. Своими шуточками он то веселит
людей, то раздражает, а они ему за это платят смехом пополам с
колотушками. Он где-то здесь лавирует по паркету и, если вдруг
подплывет сюда...

БЕНЕДИКТ. Я познакомлюсь с этим джентльменом и передам
ему ваш отзыв о нем.

БЕАТРИЧЕ. Это сколько угодно. Но ничего не произойдет. Он
только стрелнет в меня одной двумя язвительными остротами и,
поскольку, как всегда, промажет, не вызвав никакого смеха, то
надуется, в результате чего за ужином одно-два крылышка куро-
патки не будут обглоданы, ибо шут совершенно утратит аппетит.

Музыка.

Мы должны следовать за этой парой.

БЕНЕДИКТ. А если они заведут нас куда не следует?

БЕАТРИЧЕ. Пусть только попробуют — я сразу же развернусь
в обратную сторону.

Танцы.

(Все уходят, кроме ДОНА ДЖОНА, БУТЫЛЬО и КЛАВДИО.)

ДОН ДЖОН. Итак, мой брат решил жениться на Геро и пошел
потолковать об этом с ее отцом. Девушки составили ей компанию,
а на нашу долю осталась только одна маска.

БУТЫЛЬО. Судя по фигуре, это Клавдио.

ДОН ДЖОН. Вы случайно не синьор Бенедикт?

КЛАВДИО. Он самый, и не случайно.

ДОН ДЖОН. Синьор, мой брат намерен посвататься к Геро,
а вы, его самый верный приближенный, должны отговорить его
от этой затеи. Это неравный брак, и вы как благородный человек
обязаны вмешаться.

КЛАВДИО. Как вы об этом узнали?

ДОН ДЖОН. Слышал своими ушами.

БУТЫЛЬО. Я тоже. Он готов хоть сегодня жениться на ней.

ДОН ДЖОН. Ну да ладно. Пора и за стол.

(ДОН ДЖОН и БУТЫЛЬО уходят.)

КЛАВДИО. Вот, Клавдио: сказавшись Бенедиктом,
Ты сам остался с носом. Ну, и принц!
Он обо мне и думать позабыл.
Во всем на дружбу можно положиться,
Но не в любви. Влюбленные сердца
Рассчитывать не могут на чужие
Глаза и языки. В таких делах
Вас предадут доверенные лица:
В душе их чародейка-красота
Растопит чувство долга. Сплошь и рядом
Бывает так, чему не верил я.
А значит, Геро милая, прощай!

Входит БЕНЕДИКТ.

БЕНЕДИКТ. Это вы, Клавдио?

КЛАВДИО. А кто ж еще!

БЕНЕДИКТ. Если хотите, ваше сиятельство, я провожу вас.

КЛАВДИО. Куда именно?

БЕНЕДИКТ. К первой попавшейся иве: кажется, у вас там дело.

КЛАВДИО. Ты хочешь, чтобы я повесился?

БЕНЕДИКТ. Ни в коем случае. Просто там можно разжиться гирляндами. Кстати, как вы будете носить свою? На шее, как цепь ростовщика, или через плечо, как офицерский шарф? Нравится она вам или нет, носить вам ее не сносить, — принц заарканил твою Геро.

КЛАВДИО. Желаю удачи.

БЕНЕДИКТ. Это все? Можно подумать ты гуртовщик, сдавший на бойню партию скота. Нет, но каков принц! Нечего сказать, помог другу. Мог ты такое предположить?

КЛАВДИО. Отстань, пожалуйста.

БЕНЕДИКТ. Вот как. Ты как тот слепец: у него увели подачку из-под руки, а он знай себе тычет кулаками наудачу.

КЛАВДИО. Ты, похоже, не отвяжешься. Тогда уйду я. (*Уходит.*)

БЕНЕДИКТ. Теперь забьется, бедолага, куда-нибудь в кусты зализывать рану. Но вот что удивительно: Беатриче и права, и не права насчет меня. Шут принца! Ничего себе! У меня веселый нрав, вот она и приклеила мне эту кличку. Однако беспричинного смеха я за собой не замечал и в дурачках не числюсь. Просто Беатриче во всем видит только дурную сторону, считает свое мнение единственно верным, вот и распускает обо мне всякие слухи. Но со мной эти штучки не пройдут.

Входит ДОН ПЕДРО.

ДОН ПЕДРО. Куда подевался граф? Ты его видел?

БЕНЕДИКТ. Он был здесь, но такой унылый и одинокий, точно избушка на курьих ножках в лесной глухомани. А я, милорд, малость поработал разносчиком новостей, то есть пересказал ему один слухок — полагаю, достоверный — насчет того, что вы, ваша светлость, тихомолком снискали расположение одной юной леди. Я даже чуть было не отвел его к ближайшей иве, где либо плетут гирлянды на память о погибшей любви, либо срезают прутья на розги.

ДОН ПЕДРО. Для кого же розги?

БЕНЕДИКТ. Для того же графа.

ДОН ПЕДРО. Разве он не вышел из школьного возраста?

БЕНЕДИКТ. Выйти вышел, но всей науки не постиг. А она гласит: не доверяй другу стеречь пойманных тобой голубей — непременно похитит.

ДОН ПЕДРО. Грешно, с твоей стороны, наказывать доверчивого человека, а вот похитителя — грех не наказать.

БЕНЕДИКТ. Поэтому и гирлянды не помешают, и розги не повредят. Гирлянды — графу, розги — вам: насколько мне известно, именно вы и позарились на его голубков.

ДОН ПЕДРО. Я научу их ворковать и верну хозяину.

БЕНЕДИКТ. Если он услышит их воркование, значит, вы — преданный друг.

ДОН ПЕДРО. А зачем ты нелестно отзывался о леди Беатриче? Она узнала об этом от своего партнера по танцам и ужасно на тебя разозлилась.

БЕНЕДИКТ. Да она сама мне такого наговорила, что и бревно вышло бы из себя; а будь на моем месте дуб зеленый, он весь облетел бы от возмущения. Моя маска едва не ожила и не принялась с ней браниться. Сделав вид, что не узнает меня, она для начала назвала меня вашим шутком, а затем просто-напросто смешала с грязью. Издевки одна хлеще другой сыпались градом, а я стоял, как живая мишень, угодившая под обстрел на поле боя. Она говорит, словно кинжалы мечет, и каждое ее слово убивает наповал. Эта горгона извлекает из себя столько яду, что очень скоро без всяких слов, одним своим дыханием начнет истреблять вокруг себя все на свете, и жизнь во Вселенной сойдет на нет. Давай мне всю недвижимость Адама до того, как его выставили за дверь, я бы и тогда не взял ее в жены. Потому что это даже не Ева, а сущая чертовка Лилит, облаченная в модные тряпки. У нее сам Геркулес вертел бы веретено, а его боевая дубина пошла бы на растопку. Господи! сделай так, чтоб ее взяли от нас черти или какой-нибудь ученый маг ее усыпил. Честное слово, пока она на этом свете, мужчинам гораздо спокойнее на том: все мы стремимся согрешить

понарошку, лишь бы сбежать от нее в преисподнюю, где нынче мужской монастырь, да и только. Если бы не она, никто бы не ссорился, не ругался и даже не дрался.

ДОН ПЕДРО. А вот и она сама.

Входят БЕАТРИЧЕ, ГЕРО, КЛАВДИО и ЛЕОНАТО.

БЕНЕДИКТ. Ваше высочество, пошлите меня куда-нибудь подалее с поручением. Например, на край света. Ради любой вашей прихоти я могу смотаться к антиподам, перевернуть всю Азию в поисках одной-единственной зубочистки, стянуть туфлю с ноги римского папы, срезать волосок из бороды китайского императора, отправиться с посольством к пигмеям. Все, что угодно, только б не препираться с этой гарпией. Итак, я жду вашего приказа. Что мне для вас сделать?

ДОН ПЕДРО. Быть самим собой и при мне.

БЕНЕДИКТ. За что мне это, Господи! Я не перевариваю болтливых дам, потому что сыт ими по горло. (*Уходит.*)

ДОН ПЕДРО. Увы, леди Беатриче, вам синьор Бенедикт никогда не подарит своего сердца.

БЕАТРИЧЕ. Было бы что дарить, милорд. Однажды он выиграл чье-то сердце краплеными картами и тем самым удвоил свое сердечное состояние. А теперь, видимо, спустил его подчистую. Иными словами, у синьора Бенедикта вовсе нет сердца, и здесь вы, ваше высочество, попали в самую точку.

ДОН ПЕДРО. А вы уложили его на обе лопатки, леди, честное слово.

БЕАТРИЧЕ. Хорошо, что не он меня — была охота сделаться матерью дураков. А вот граф Клавдио: вы просили — я его привела.

ДОН ПЕДРО. Что с вами, граф? Вы чем-то расстроены?

КЛАВДИО. С чего вы взяли?

ДОН ПЕДРО. Может, вам плохо?

КЛАВДИО. Опять не угадали, милорд.

БЕАТРИЧЕ. Граф не должен ни расстраиваться, ни веселиться; ему не может быть ни хорошо, не плохо. Он может и должен быть только джентльменом. Сейчас он, правда, еще и пожелтел, как апельсин, но это исключительно из ревности.

ДОН ПЕДРО. Поистине, леди, вы всех видите буквально насквозь. Но, уверяю вас, если вы правы относительно него, то его предположения оказались ложными. Так вот, Клавдио, я действительно предложил прекрасной Геро руку и сердце, но не свои, а твои. Она приняла мое предложение, с ее отцом мы поладили, он тоже не против. Готовь свадьбу, и дай Бог тебе всего хорошего.

ЛЕОНАТО. Вручаю вам дочь, граф, вместе с моим состоянием. Его высочество благословил ваш союз, остается только получить благословение небес.

БЕАТРИЧЕ. Ваш выход, граф. Что же вы молчите?

КЛАВДИО. Наилучший способ поведать о своей радости — промолчать. В душе я был бы менее счастлив, если бы объявил о своем счастье на людях. — Геро, теперь мы принадлежим друг другу. Получив вас, я дарю себя вам и в результате чувствую в себе двойную любовь.

БЕАТРИЧЕ. Тебе слово, сестрица. Если же у тебя нет слов, поцелуй его, чтобы он снова замолчал.

ДОН ПЕДРО. Поразительно, леди, до чего веселое у вас сердце!

БЕАТРИЧЕ. Да, милорд, мое несчастное беззаботное сердечко ничего не принимает всерьез. Смотрите, сестрица шепчет ему на ушко слова любви.

КЛАВДИО. Так оно и есть, сестрица.

БЕАТРИЧЕ. Господи, вот мы уже и родственники! Всем на свете рано или поздно бывает хорошо. Только мне одной не везет. Но что я, рыжая, что ли? Неужто мне придется идти на улицу и вызывать о муже?

ДОН ПЕДРО. Леди Беатриче, только скажите, и я вам его предоставлю.

БЕАТРИЧЕ. Если бы мне его представил ваш батюшка! Судя по вас, он делает блестящих мужей, и дело теперь за соответствующей девушкой. У вашего высочества случайно нет брата-близнеца?

ДОН ПЕДРО. Хотите меня в мужья?

БЕАТРИЧЕ. Нет, милорд. Вы же не согласитесь быть моим мужем только по праздникам. А держать вас при себе в будни для меня слишком большая роскошь. Умоляю вас, ваше высочество, не обращать на меня внимания. Я не закрываю рта с самого рождения, но все мои речи — сплошная глупость, и ничего больше.

ДОН ПЕДРО. Вы бы расстроили меня, если бы вдруг замолчали. Вам идет быть остроумной. Уверен, вы родились в веселую минуту.

БЕАТРИЧЕ. Сомневаюсь, милорд: моей матушке во время родов было не до смеха. Но, видимо, я родилась под какой-нибудь танцующей звездой. — Сестрица, братец, дай Бог вам счастья!

ЛЕОНАТО. Племянница, ты не забудешь наш уговор?

БЕАТРИЧЕ. Ни в коем случае, дядя. — Разрешите откланяться, ваше высочество. (*Уходит.*)

ДОН ПЕДРО. До чего же славная и живая девушка!

ЛЕОНАТО. Да уж, милорд, уныние ей не грозит. Она не смеется, только когда спит. Да и то, по словам моей дочери, порой

видит во сне такое, что начинает хохотать сквозь сон и даже просыпается от смеха.

ДОН ПЕДРО. Вот бы выдать ее замуж!

ЛЕОНАТО. Напрасный труд: издеваясь над своими поклонниками, она отбивает у них всякую охоту к сватовству.

ДОН ПЕДРО. Она и Бенедикт — отличная была бы пара.

ЛЕОНАТО. Не приведи Бог, милорд! Не прошло бы и недели после свадьбы, как они довели бы друг друга до умоисступления своими разговорами.

ДОН ПЕДРО. Когда же под венец, граф?

КЛАВДИО. Завтра, милорд. Время хромает на костылях, пока любовь не преодолеем череду необходимых церемоний.

ЛЕОНАТО. Нет, сынок, не раньше понедельника. Да и семи оставшихся дней, боюсь, не хватит, чтобы подготовить все надлежащим образом.

ДОН ПЕДРО. Не надо качать головой, Клавдио: уверяю тебя, скучать нам не придется. За эту неделю я намерен совершить подвиг достойный самого Геркулеса, а именно — разжечь между сеньором Бенедиктом и леди Беатриче сверхъестественную страсть. Было бы очень здорово их поженить, и здесь мне нужна ваша помощь. Если вы не откажетесь четко следовать моим инструкциям, я уверен, дело выгорит.

ЛЕОНАТО. Располагайте мною, милорд. Я даже согласен бодрствовать дней десять подряд, только бы все получилось.

КЛАВДИО. Я тоже, милорд.

ДОН ПЕДРО. А как вы, дорогая Геро?

ГЕРО. Если все будет пристойно, я готова на все ради будущего мужа для моей кухни.

ДОН ПЕДРО. Тем более что Бенедикт — не самая безнадежная из всех известных мне партий. Могу перечислить его достоинства: благородное происхождение, проявленная в бою доблесть, безукоризненная репутация. Я знаю, как настроить вашу кухню на любовь к Бенедикту. Девушки займутся ею, я с мужчинами — Бенедиктом; мы так подзаведем его, что этот всем известный умник и привередник в два счета влюбится в Беатриче. Если мы это провернем, Купидон подарит нам свои лук и стрелы, откажется в нашу пользу от своего поприща, и все влюбленные начнут поклоняться только нам. Пойдемте, я расскажу вам все в деталях. *(Уходят.)*

Сцена вторая

Другая комната в доме Леонато.

Входят ДОН ДЖОН и БУТЫЛЬО.

ДОН ДЖОН. Стало быть, граф Клавдио все-таки женится на дочери Леонато?

БУТЫЛЬО. Выходит, так, милорд. Но свадьбу можно расстроить.

ДОН ДЖОН. Подстраивай ловушки, ставь преграды, рой ямы — для меня это как бальзам. Я чуть ли не болен — до такой степени терпеть не могу Клавдио. Что ему во вред, то мне на радость. Ты хочешь испортить ему жизнь — но каким образом?

БУТЫЛЬО. С помощью обмана, милорд. Но все будет шито-крыто, и я выйду сухим из воды.

ДОН ДЖОН. Расскажи хотя бы вкратце, как это будет.

БУТЫЛЬО. Не помню, говорил ли я вашему сиятельству, что уже около года состою в особых отношениях с камеристкой Геро Маргаритой?

ДОН ДЖОН. Вроде говорил.

БУТЫЛЬО. Стоит мне захотеть, и она в любое время ночи выглянет из окошка спальни.

ДОН ДЖОН. И что с того?

БУТЫЛЬО. А то, что это может быть спальня ее госпожи.

ДОН ДЖОН. И каким же образом ночная вылазка сживет со свету будущих молодоженов?

БУТЫЛЬО. А таким, что в вашей воле отравить им жизнь. Вам надо пойти к вашему брату принцу и напрямую поговорить с ним. Дескать, он обесчестит себя, если с его легкой руки достойнейший во всех отношениях Клавдио женится на этой гнусной потаскухе Геро.

ДОН ДЖОН. А доказательства?

БУТЫЛЬО. Будут.

ДОН ДЖОН. Серьезные?

БУТЫЛЬО. Вполне. Принц будет введен в заблуждение, Клавдио оскорблен, Геро обесчещена, Леонато уничтожен. Этого достаточно?

ДОН ДЖОН. Более чем. Любая гадость подойдет — только бы насолить им.

БУТЫЛЬО. Вот и ладно. Найдите возможность переговорить с принцем и графом наедине. Прикиньтесь, будто вы действительно хотите оградить его светлость с его сиятельством от неприятностей, потому и делитесь с ними добытыми вами сведениями. Вам же ведь

не безразличны ни честь брата, занятого этой свадьбой, ни доброе имя друга, обманутого притворным целомудрием. Но мало сказать им, что Геро путается со мной. Вашим словам они едва ли поверят, зато поверят собственным глазам и ушам, если вы в предсвадебную ночь приведете принца и Клавдио под окно спальни Геро. Ее самой там не будет — я об этом позабочусь, — зато Маргарита от имени Геро будет называть меня Бутыльо, а я ее — Геро. Таким образом, порочность невесты предстанет во всей красе, подозрения жениха подтвердятся, свадьба расстроится.

ДОН ДЖОН. Да будет так, чем бы это мне ни грозило. Если твоя хитрость восторжествует, получишь тысячу дукатов.

БУТЫЛЬО. Надо только узнать день свадьбы. (*Уходят.*)

Сцена третья

Сад Леонато.

Входят БЕНЕДИКТ и ПАЖ.

БЕНЕДИКТ. Принеси мне книгу из моей спальни. Я буду здесь, в саду.

ПАЖ. Я уже бегу.

БЕНЕДИКТ. Хорошо. Но было бы еще лучше, если бы ты уже прибежал назад.

(ПАЖ уходит.)

БЕНЕДИКТ. Удивительный человек Клавдио! Сам же называл других болванами, если замечал в них признаки любовного безумия, сам же насмехался над этими ничтожными глупцами — и на тебе: влюбляется, становясь мишенью для своих же собственных острот. Нынче ему вместо некогда любимых труб и барабанов подавай тамбурин и флейту. В прежние дни он мог миль семь оттопать ради новых доспехов, а теперь с неделю не спит над выкройкой нового костюма. Раньше он говорил по-человечески, как настоящий солдат, а сейчас упражняется в риторике, приправляя свою речь такими тошнотворными изысками — слушать противно. Неужели я тоже могу незаметно для самого себя стать таким же? Ну, уж нет. Этому не бывать. Превратит любовь меня в теленка или нет, не

уверен, но одно знаю твердо: пока я еще не телок, таким дураком я не стану и от любви. Одна женщина симпатична — уже неплохо. Другая разумна — очень хорошо. Третья добра — еще лучше. Но если мне не попадется дама достойная во всех отношениях, я ни одной из них не удостою и взглядом. Главное — она должна быть не бедной; не глупой — дура мне ни к чему; не злой — бешеная мне и даром не нужна; не страшной — дурнушку я и не замечу; не сварливой — склочницу я к себе и близко не подпущу; не простолюдинкой — с незнатной я не хочу и знаться. Наконец она должна уметь поддерживать беседу и хорошо петь. Ну, а цвет волос пусть с Божьей помощью выбирает себе сама. А вот и принц под ручку с мосье Амуром. Уйти, что ли, с глаз долой... (*Прячется в беседке.*)

Входят ДОН ПЕДРО, КЛАВДИО и ЛЕОНАТО.

ДОН ПЕДРО. Что, будем слушать музыку?

КЛАВДИО.

Конечно!

В такой чудесный вечер наслаждаться
Гармонией настроена природа.

ДОН ПЕДРО. Заметил Бенедикта?

КЛАВДИО.

Да, милорд.

Он нас подслушать хочет, но мальчишку,
Прослушав пенье, мы подстережем.

Входят БАЛЬТАЗАР и МУЗЫКАНТЫ.

ДОН ПЕДРО. Спой, Бальтазар, нам давешнюю песню.

БАЛЬТАЗАР. Вы надо мной смеетесь? Голос мой

Лишь оскорбляет музыку, милорд.

ДОН ПЕДРО. Ну, сразу видно — мастер, если сам

Воротит нос от своего искусства.

Ты пой, а не ломайся, как девица!

БАЛЬТАЗАР. Уговорили. Так и быть, спою.

Ведь и девицу нужно уломать,

Рассыпаться пред ней, хотя порой

Она того не стоит.

ДОН ПЕДРО.

Ты бы лучше

По нотам пел, чем спорить, как по нотам.

БАЛЬТАЗАР. Нет у меня приличных нот, не то

Я обменял бы ноты на банкноты.

ДОН ПЕДРО. Но если вместо нот одни длинноты,

То нотабене: никаких банкнот!

БЕНЕДИКТ. А теперь, Господи помилуй, он так запоет, душа

из него вон! Удивительно: кишки бараньи, а жилы тянут из нас!
Такая музыка гроша ломаного не стоит. То ли дело охотничьи рога.

Музыка и пение.

БАЛЬТАЗАР (*поет*). На то мужчина и рожден

Вам, девушки, на горе,
Что ночью у любимой он,
А рано утром — в море.
Не жди, забудь; ушел — и пусть!
Чем слезы лить в печали,
Ты, в радость превращая грусть,
Пой тили-трали-вали!

К чему и скорбный твой напев,
И жалобы, и стоны?
От века покидают дев
Мужчины-ветрогоны.
Не жди, забудь; ушел — и пусть!
Чем слезы лить в печали,
Ты, в радость превращая грусть,
Пой тили-трали-вали!

ДОН ПЕДРО. Ну, что тут скажешь: песня неплохая.

БАЛЬТАЗАР. Чего, милорд, не скажешь о певце.

ДОН ПЕДРО. Не прибедайся, ты поешь вполне сносно для мужчины.

БЕНЕДИКТ. За такой скулеж пса удавили бы! Боже мой! Завывания этого певуна не предвещают мне ничего хорошего. Я бы предпочел услышать ночью вороний грей, что бы они мне там ни накаркали.

ДОН ПЕДРО. И вот что, Бальтазар: нам нужны музыканты играть и петь завтра вечером под окнами Геро. Будь другом, разыщи кого-нибудь поталантливей.

БАЛЬТАЗАР. Все будет в лучшем виде, милорд.

ДОН ПЕДРО. Я надеюсь. Действуй.

(БАЛЬТАЗАР и МУЗЫКАНТЫ *уходит*.)

Что там с вашей племянницей, Леонато? Неужели она в самом деле сохнет по Бенедикту?

КЛАВДИО. Быть того не может! (*Вполголоса, ДОНУ ПЕДРО.*) Осторожнее, не спугните дичь. (*Вслух, ЛЕОНАТО.*) Она — и вдруг влюбилась? Ни за что не поверю.

ЛЕОНАТО. И я не верю. Сама же терпеть Бенедикта не могла,

если, конечно, принять во внимание ее слова и поступки. А теперь ума из-за него лишилась. Вот ведь что странно.

БЕНЕДИКТ. Может, я сплю? Как все это понимать?

ЛЕОНАТО. Честно говоря, милорд, я в полной растерянности. Она чуть ли не на стену лезет от любви. Это выше моего разума.

ДОН ПЕДРО. Дурачится, не иначе.

КЛАВДИО. Бесспорно.

ЛЕОНАТО. Господь с вами! Дурачится! Никто еще не дурачился так, чтобы задурить голову самому себе. А с нею от наплыва нежных чувств произошло именно это.

ДОН ПЕДРО. И как она выражает эти свои чувства?

КЛАВДИО (*вполголоса*). Рыбка уже на крючке. Подсекайте.

ЛЕОНАТО. Как выражает? Ну, например... А разве моя дочь вам об этом не говорила?

КЛАВДИО. Она сказала мне.

ДОН ПЕДРО. Вот это да! Я просто потрясен: мне всегда казалось, что крепость ее души не пробить никаким любовным тараном.

ЛЕОНАТО. Я бы в этом поклялся, милорд. И с тем большей уверенностью, если бы ее взялся протаранить Бенедикт.

БЕНЕДИКТ. Ведь он не может водить их за нос — седой же старик. Таких благообразных мошенников не бывает.

КЛАВДИО (*вполголоса*). Еще чуть-чуть, и зараза подействует.

ДОН ПЕДРО. И она доверила свою тайну Бенедикту?

ЛЕОНАТО. Что вы! Бедняжка будет терзаться, но не скажет ему ни слова. Она даже поклялась в этом.

КЛАВДИО. Точно. Со слов вашей дочери Беатриче говорит, что никогда не признается в любви Бенедикту, поскольку прежде постоянно издевалась над ним.

ЛЕОНАТО. Скажет так, а сама знай себе пишет ему. И так раз двадцать за ночь: вскакивает в одной сорочке — и за перо. Один раз исписала целый лист. Дочь мне все рассказала.

КЛАВДИО. А помните, как ее позабавила одна деталь?

ЛЕОНАТО. Какая именно?

КЛАВДИО. Насчет листа бумаги.

ЛЕОНАТО. Еще бы не помнить! Написала, значит, Беатриче письмо, перечитала, сложила и вдруг видит, что имена «Бенедикт» и «Беатриче» как раз одно на другом. Вы это имели в виду?

КЛАВДИО. Ну да.

ЛЕОНАТО. В результате — письмо на мелкие кусочки, а она давай бранить себя: дескать, Бенедикт ее и в грош не ставит, а она ему пишет — никакой гордости! «Я свой характер знаю, — говорит. — Если бы он мне написал, я бы его просто затравила. Любить люблю, но прохода ему все равно бы не дала».

КЛАВДИО. И на колени падает, и в грудь себя колотит, и волосы на себе рвет. Слезы, вопли, стоны, мольбы... «Милый Бенедикт! Сжался надо мной, Господи!»

ЛЕОНАТО. Так оно и есть, моей дочери нельзя не верить. Она даже боится, что от безысходности Беатриче, того и гляди, покончит с собой, ибо довела себя буквально до умоисступления. Это чистая правда.

ДОН ПЕДРО. Стоит обо всем рассказать Бенедикту. Если сама Беатриче стесняется, пусть это сделают другие.

КЛАВДИО. Напрасный труд. Для него это новая забава, а для бедняжки лишние слезы.

ДОН ПЕДРО. В таком случае повесить его — и то мало будет! Такую очаровательную девушку еще поискать. И на репутации у нее ни пятнышка.

КЛАВДИО. К тому же она исключительно благоразумна.

ДОН ПЕДРО. Верно. Хотя влюбиться в Бенедикта — верх неблагоразумия.

ЛЕОНАТО. Увы, милорд, Беатриче слишком нежна, чтобы здравый смысл мог в ней справиться с чувствами. Они непременно одолеют — ставлю десять к одному. Мне остается только пожалеть девушку. Говорю это и как ее родственник, и как опекун.

ДОН ПЕДРО. Если бы она сходила с ума по мне, никакие доводы не помешали бы мне сделать ее своей женой. Интересно, что бы сказал на это Бенедикт?

ЛЕОНАТО. Полагаете, следует передать ему ваши слова?

КЛАВДИО. По мнению Геро, Беатриче непременно уходит себя. Та и сама не видит иного выхода. Она погибнет, если Бенедикт ее не полюбит; умрет, но не откроет ему своих чувств; а если тот сам откроется ей, отошлет его, по своему обыкновению, после чего тут же наложит на себя руки.

ДОН ПЕДРО. В любом случае исход один. Да и не может она первой заговорить с Бенедиктом, ведь он, скорее всего, выпутит ее. Он вообще никому спуску не дает.

КЛАВДИО. Как всякий красивый мужчина.

ДОН ПЕДРО. Да уж, интересной внешности у него не отнять.

КЛАВДИО. И острого ума. Клянусь Богом, так оно и есть!

ДОН ПЕДРО. Иногда он правда выдает блестящие острооты.

КЛАВДИО. И с храбростью у него все в порядке.

ДОН ПЕДРО. Это сущий Гектор, верьте слову. Из самой щекотливой ситуации выйдет невредимым. Сам он человек мирный, настоящий христианин, но, если что, может кого угодно усмирить по-христиански.

ЛЕОНАТО. Страх Божий велит ему вести себя смирно, поэтому

он страшится поступать не по-Божески. Разве только в тех случаях, когда смирение ни к чему хорошему не ведет.

ДОН ПЕДРО. Ваша правда. Он очень набожен, хотя некоторые его чересчур откровенные высказывания говорят об обратном. Боюсь, ваша племянница пропадет ни за грош. Где же Бенедикт? Давайте ему обо всем расскажем.

КЛАВДИО. Не стоит. Беатриче сама одолеет сердечный недуг.

ЛЕОНАТО. Едва ли! Раньше она скончается от сердечного приступа.

ДОН ПЕДРО. Ладно. Может, все еще образуется. Но ваша дочь должна держать нас в курсе. Мне очень дорог Бенедикт, но этой чудесной девушки он явно не стоит. Ему бы не мешало подумать, как он дошел до такой жизни.

ЛЕОНАТО. Милорд, не угодно ли отобедать? Пройдемте в дом.

КЛАВДИО (*вполголоса*). Если он и теперь не подцепит любовную лихорадку, значит, на него уже ничто не подействует.

ДОН ПЕДРО (*вполголоса*). Остается только вырыть такую же яму Беатриче. Это мы поручим вашей дочери и ее камеристке. Когда он и она возьмут себе в голову, что один сгорает от страсти по другому, хотя оба ни сном ни духом, — мы умрем со смеху. Спектакль получится что надо: наши марионетки отлично исполняют свои роли. А пока пусть она пригласит его на обед.

(ДОН ПЕДРО, КЛАВДИО и ЛЕОНАТО уходят.)

БЕНЕДИКТ (*выходя из беседки*). На розыгрыш это не похоже: они же не знали о моем присутствии. Геро тоже не могла им солгать. Конечно, они жалеют Беатриче, если та чуть ли не помешалась от страсти. Влюбилась в меня! Придется отплатить ей тем же. Низко же они меня ставят: дескать, я из гордости отвергну ее любовные признания. Однако, если им верить, она умрет, но ничем не обнаружится передо мной. Я, конечно, старый холостяк, но гордость здесь не при чем. Следует радоваться, если тебе дали увидеть себя со стороны, и ты намерен искоренить свои изъяны. Они считают ее красавицей, да я и без них это знаю, поскольку могу доверять собственным глазам. В ее репутации и уме тоже не приходится сомневаться, хотя умная девушка меня едва ли выбрала бы. Исходя из этого, умницей ее действительно не назовешь, но и в дуры не запишешь, ведь она мне ужасно нравится. Теперь начнут заштатные шутники расточать остатки своего ума, упражняясь в дешевом остроумии. Да, я всегда насмеялся над женатиками — и что с того? Разве я не могу перемениться? В зрелые годы мы не выносим то, чем питались в младенчестве. Или я не мужчина, если меня могут остановить жалкие шуточки и по-

словицы — жвачка старческого слабоумия? Нет, надо плодиться и размножаться! Умру, но не женюсь, говорил я, не рассчитывая дожить до свадьбы. А вот и Беатриче! Клянусь этим светом, она красавица! И, по-видимому, в самом деле влюблена в меня.

Входит БЕАТРИЧЕ.

БЕАТРИЧЕ. Прошу вас отобедать с нами. Я не хотела идти звать вас, но меня упростили.

БЕНЕДИКТ. Дорогая Беатриче, зачем было утруждать себя?

БЕАТРИЧЕ. Мой труд не стоит благодарности, как и ваша благодарность не стоила вам труда. Если мне было бы трудно прийти, вам бы не пришлось меня благодарить.

БЕНЕДИКТ. Вы, стало быть, пошли за мной с радостью?

БЕАТРИЧЕ. Ее было немного, буквально с гулькин нос. Хотя птичка обрадовалось бы до смерти. Вам что, не по вкусу куропатки? Тогда прощайте, синьор. (*Уходит.*)

БЕНЕДИКТ. Так! «Я не хотела идти звать вас, но меня упростили» — мне-то ясно, что за этим скрывается. «Мой труд не стоит благодарности, как и ваша благодарность не стоила вам труда» — это значит вот что: «Я тружусь для вас с той же радостью, с какой вы меня благодарите». Мне жаль ее, значит, я должен с ней объясниться. Иначе пусть меня назовут подлецом и обрежут в придачу. Где бы раздобыть ее портрет? (*Уходит.*)

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Сад Леонато.

Входят ГЕРО, МАРГАРИТА и УРСУЛА.

ГЕРО. Сейчас в гостиной с Клавдио и принцем

О чем-то Беатриче говорит.

Шепни ей, Маргарита, на ушко,

Что ты подслушала, как мы с Урсулой

В саду о ней судачим. Если это

Ей интересно, пусть она тайком

Пройдет в беседку, свитую из веток,

Где жимолость, под солнцем расцветая,

Затмить его стремится, — так вельможи,
Гордыней пропитавшись, умышляют
На властелина своего, который
Умышленно в них гордость воспитал.
Тебе должна поверить Беатриче
И в сад прийти.

МАРГАРИТА.

Придет, не сомневайтесь.

(Уходит.)

ГЕРО. Когда она появится, Урсула,
Мы притворимся, что увлечены
Не так прогулкою, как разговором
О Бенедикте. Ты скажи, что нет
Ему на свете равных средь мужчин,
А я в ответ, что он совсем извелся
По Беатриче. Хитрый Купидон
И через уши сердце поражает
Своей стрелой.

В глубине сцены появляется БЕАТРИЧЕ.

Смотри, вот и она:
Пластается, как чибис, над землей,
Сгорая, видимо, от любопытства.
УРСУЛА. Приятно наблюдать за тем, как рыбка
Сверкая золотистой чешуей,
Прозрачное пронзает серебро
В своем стремленье к пагубной наживке.
Вот мы и Беатриче, хоть она
Сидит в кустах, поддевом на уду.
Я знаю роль свою, не беспокойтесь.
ГЕРО. Чем ближе подойдем мы, тем верней
Подействует приманка на нее.

Подходят к беседке.

Она, Урсула, чересчур надменна
И нравом точно сокол неручной:
Не то боится всех, не то дичится.
УРСУЛА. Не верится, что по уши в нее
Влюбился Бенедикт.
ГЕРО. Но если принц
И мой жених об этом говорят...

УРСУЛА. Вы скажете об этом Беатриче?

ГЕРО. Они с тем и пришли. Я отказалась.

А если им так дорог Бенедикт,
Они ему обязаны помочь
Влечение к Беатриче подавить,
Но так, чтоб ничего она не знала.

УРСУЛА. Но разве он не джентльмен и не стоит

Счастливого супружества, какое
Могла б ему доставить Беатриче?

ГЕРО. О бог любви! Такой мужчина стоит
Всех благ земных. Но девушки с такой
Душой спесивой не было на свете.
На все и вся взирая свысока,
Ее глаза издевкою сверкают.
И на кого ж ей, умнице, смотреть,
Когда вокруг ничтожества одни?
Не сможет, даже если и захочет,
Она любить. Любовь не для нее,
Самолюбивой и самовлюбленной.

УРСУЛА. Вы правы. И поэтому не нужно
Ей знать о Бенедикте. А иначе
Она его затравит.

ГЕРО. Безусловно!

Какой бы ей мужчина ни попался —
Богатый, умный, знатный, молодой, —
Она все извратит. Кто с белой кожей —
Тот ей сестренка; если смугловат —
Под старину отделан или грязен;
Высокий — острога без острия;
А низковат — урезан до наперстка;
Помалкивает — чурбаном чурбан;
А разговорчив — с ветром в голове.
Всех шиворот-навыворот представит,
И сроду не оценит честь по чести
Ни прямоты, ни смелости мужской.

УРСУЛА. Она язвительна, а это плохо.

ГЕРО. Куда уж хуже! Всем она перечит
И поступает всем наперекор.

Но кто посмеет ей открыть глаза?
Я? Ну, уж нет! Из-за ее острога
Не жизнь, а пытка у меня начнется.
Пусть Бенедикт слезами изойдет,
Истлеет втуне, сам себя уморит, —
Все лучше, чем скончаться от насмешек,
Чем даже от щекотки умереть.

УРСУЛА. Вам все же надо с ней поговорить.

А вдруг смягчится?

ГЕРО. Лучше — с Бенедиктом.

Ему я посоветую убить

В себе любовь и, может быть, скажу

Какую-нибудь гадость про сестру,

Чтоб очернить ее. Сдается мне,

Злословье в силах чувства отравить.

УРСУЛА. О нет, не стоит вам вредить сестре.

Она и так не сможет отказать

Такому джентльмену, как Бенедикт,

Иначе под сомнение подставит

Свой ясный и непревзойденный ум,

Каким теперь заслуженно гордится.

ГЕРО. Лишь Клавдио в Италии затмить

Способен Бенедикта.

УРСУЛА. Нет, мадам.

Прошу вас на меня не обижаться,

Но самым умным, храбрым и красивым

В Италии считают Бенедикта.

ГЕРО. Да, он достоин всяческих похвал.

УРСУЛА. И хвалят по достоинству его. —

Когда ж вам под венец, мадам?

ГЕРО. Хоть завтра!

А кстати, помоги мне выбрать платье.

Мне завтра быть нарядной надлежит.

УРСУЛА (*вполголоса*). Ручаюсь, птичка в клетке, госпожа.

ГЕРО (*вполголоса*). Тогда вдвойне опасен Купидон,

Сетями, кроме стрел, вооружен.

(Уходят.)

БЕАТРИЧЕ (*выходя из беседки*).

Меня бранят! Я со стыда сгорю.

Вот за высокомерие награда!

Гордыня, прочь! Насмешливость, адью!

Мне вашей славы гибельной не надо.

Ах, Бенедикт! Не диким, а ручным

Тебе вручает сердце Беатриче.

Меня ты любишь, мною ты любим,

И нас благословит священный причет.

Я доверяю не чужим словам,

Что лучше всех ты, а своим глазам.

(Уходит.)

Сцена вторая

Комната в доме Леонато.

Входят ДОН ПЕДРО, КЛАВДИО, БЕНЕДИКТ и ЛЕОНАТО.

ДОН ПЕДРО. Если бы не ваша свадьба, я был бы уже в Арагоне.

КЛАВДИО. После брачной церемонии, я поеду с вами, милорд, если вы не против.

ДОН ПЕДРО. Я против. Потому что это стерло бы позолоту радости с твоего новоиспеченного супружества. Мы же не дарим ребенку игрушку с тем, чтобы запретить ему играть ею. Я попробую уговорить Бенедикта составить мне компанию: веселости в нем — от прически до подошв. Пару раз он ломал Купидону лук, и теперь этот плутишка побаивается целить в него. Ведь от сердца Бенедикта, как от колокола, со звоном отскакивает любая стрела, а язык так хорошо подвешен, что с него то и дело слетают звонкие сердечные звуки.

БЕНЕДИКТ. Это уже в прошлом, господа.

ЛЕОНАТО. То-то я гляжу вы вроде как приуныли.

КЛАВДИО. Он часом не влюбился?

ДОН ПЕДРО. Где там, чтоб ему пусто было! Он же отлынивает от любви. У него в жилах не кровь, а водица, не подвластная подлинному чувству. Если он не в себе, значит, проигрался.

БЕНЕДИКТ. У меня болит зуб.

ДОН ПЕДРО. На свалку его!

БЕНЕДИКТ. Может, лучше вырвать?

КЛАВДИО. Точно! Вырвать — и на свалку!

ДОН ПЕДРО. От зубной боли так не вздыхают.

ЛЕОНАТО. Вот если бы вам всю щеку разнесло.

БЕНЕДИКТ. Вот именно. Чужую беду руками разведу.

КЛАВДИО. И все-таки он влюбился.

ДОН ПЕДРО. Судя по его внешнему виду, на любовь это не похоже. Но он, похоже, полюбил рядиться во что попало. Сегодня он вылитый голландец, завтра — француз, а то и два в одном: выше пояса по-немецки свободное, ниже пояса — по-испански зауженное. Я полагаю, что если он не влюбился в эту дурь, то и не одурел, как вы полагаете, от любви.

КЛАВДИО. Если он не положил глаз на какую-нибудь особу женского пола, то уже нельзя полагаться на старые приметы. Теперь он по утрам чистит свою шляпу — как это понимать?

ДОН ПЕДРО. Брился ли он когда-нибудь раньше?

КЛАВДИО. Ни разу в жизни, но нынче его обрили. И сейчас шерстью, украшавшей его щеки, набивают теннисные мячи.

ЛЕОНАТО. Борода ему не идет: без нее он прямо помолодел.

ДОН ПЕДРО. А чем это от него так пахнет? Не иначе стал натираться мускусом.

КЛАВДИО. Все ясно: наш раскрасавец влюбился.

ДОН ПЕДРО. Иначе бы он не впал в меланхолию.

КЛАВДИО. И не стал бы умываться по утрам. Этого за ним раньше не водилось.

ДОН ПЕДРО. А теперь будто бы и румяниться начал. По крайней мере, есть такой слух.

КЛАВДИО. Он даже перестал шутить, ведь его душа переползла в струны и отныне настраивается, как лютня.

ДОН ПЕДРО. Эта жуткая история говорит сама за себя. Он явно влюбился.

КЛАВДИО. А знаете, кто влюбился в него?

ДОН ПЕДРО. Даже не догадываюсь, но думаю, для нее это любовь с первого взгляда.

КЛАВДИО. А вот и нет. Их взгляды пересекались неоднократно, но невзирая на это, она до смерти влюблена в него.

ДОН ПЕДРО. А если помрет, что тогда?

КЛАВДИО. Положим ее лицом кверху и не станем заколачивать крышку гроба.

БЕНЕДИКТ. Можете продолжать, но ваша болтовня зубы мне не заговорит. — Дорогой синьор Леонато, позвольте вас на пару слов. Они настолько умны, что этим шутам гороховым будет неинтересно слушать.

(БЕНЕДИКТ и ЛЕОНАТО уходят.)

ДОН ПЕДРО. Жизнью поклянусь, речь пойдет о Беатриче.

КЛАВДИО. Точно. Геро с Маргаритой и Урсулой уже разыграли ее, и теперь наши медвежата, оказавшись в одной берлоге, перестанут цапаться друг с другом.

Входит ДОН ДЖОН.

ДОН ДЖОН. Да хранит вас Бог, мой брат и господин.

ДОН ПЕДРО. День добрый, брат.

ДОН ДЖОН. У вас есть время выслушать меня?

ДОН ПЕДРО. Клавдио, оставьте нас.

ДОН ДЖОН. Нет, ему лучше быть в курсе этого дела.

ДОН ПЕДРО. Что ты имеешь в виду?

ДОН ДЖОН (КЛАВДИО). Ваше сиятельство, вы завтра женитесь?

КЛАВДИО. С вашего разрешения.

ДОН ДЖОН. Вы бы так не ответили, если бы я кое о чем вас известил.

КЛАВДИО. Вы что, хотите расстроить свадьбу? У вас есть на это причины?

ДОН ДЖОН. Думаете, я плохо к вам отношусь? Повремените малость, может быть, вы ко мне переменитесь, особенно когда узнаете, с чем я пришел. Вот и брат мой, очевидно, вас ценит и по чистоте душевной устроил ваше грядущее бракосочетание. Но и он, выходит, зря старался, потому что все пошло прахом.

ДОН ПЕДРО. Извольте объясниться.

ДОН ДЖОН. С удовольствием. Для того и пришел. Скажу коротко, поскольку она не стоит долгого рассказа, — леди отнюдь не девушка.

КЛАВДИО. Вы имеете в виду Геро?

ДОН ДЖОН. Кого же еще? Ее, дочь Леонато, вашу Геро, Геро всех и каждого.

КЛАВДИО. Она не девушка?

ДОН ДЖОН. К ее испорченности подходят и более грубые выражения. Она еще гнуснее, чем я сказал. Найдите более мерзкую кличку, и она, уверяю вас, вполне подойдет. Погодите возражать, пока сами во всем не убедитесь. Нынче ночью я вам покажу, кто и как пробирается в спальню к Геро, хотя утром она намерена стать вашей. Если ваша любовь к ней окажется выше этого, тогда женитесь. Но, полагаю, ваша честь пострадает, если вы не оставите этой затеи.

КЛАВДИО. Этого быть не может.

ДОН ПЕДРО. Трудно даже вообразить такое.

ДОН ДЖОН. Если сочтете, что ваши глаза вам лгут, можете не верить происходящему. Если хотите меня проверить, пойдемте со мной. А затем действуйте, сообразуясь с увиденным и услышанным.

КЛАВДИО. Если ночное зрелище воспрепятствует моей свадьбе с Геро, я вместо венчания при всем честном народе опозорю ее.

ДОН ПЕДРО. А мне как твоему свату придется бесчестить ее вместе с тобой.

ДОН ДЖОН. Больше я не скажу о ней ни одного худого слова. Вы скоро и так все узнаете. Остается только дождаться полночи, а там все проявится само собой.

ДОН ПЕДРО. Как неудачно завершается этот день!

КЛАВДИО. Как это странно и страшно!

ДОН ДЖОН. «Как хорошо, что удалось избежать несчастья!» — скажете вы, когда все закончится.

(Уходят.)

Сцена третья

Улица.

Входят ЧЕРТОПОЛОХ, ОБРЕЗОК и СТРАЖА.

ЧЕРТОПОЛОХ. Значит, вы люди достойные и порядочные?

ОБРЕЗОК. Точно так. Иначе не *избежать* им спасения. Ни души, ни тела. А это плохо.

ЧЕРТОПОЛОХ. Ты прав, им от опасения не сбежать. Если их наняли *предохранять* самого принца, значит, они ему, наверно, подданные.

ОБРЕЗОК. Ты бы, сосед, лучше начал с *наказания*.

ЧЕРТОПОЛОХ. Первое: вы думаете, кого нужно не выпускать в караул?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Хью Сверчка и Джо Жучка, потому что читают как по писаному.

ЧЕРТОПОЛОХ. Стань сюда, сосед Жучок. Господь *оградил* тебя: от судьбы ты парень видный, от природы — шибко грамотный.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Ни природой, ни судьбой, господин констебль...

ЧЕРТОПОЛОХ. Ты не *обделан*? Я так и думал: за словом ты в карман не полезешь. Итак, хвали Бога за свои стати, но не похваляйся ими некстати. А грамотность держи при себе — целей будет: это ведь такая канитель. Все тут считают, что ума у тебя хоть *избавляй*. Для караульного это — главное. Значит, быть тебе с фонарем, — бери. Наказываю тебе хвататься бродяг, а всем прочим с именем принца не давать проходу.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. А если кто плюнет на меня и пройдет?

ЧЕРТОПОЛОХ. Сам на него наплюй. И пусть проходит. А потом кричи караул и, когда наши сбегутся, говори им, что одним негодяем стало меньше.

ОБРЕЗОК. Кто пройдет без твоего разрешения, тот не принца подданный.

ЧЕРТОПОЛОХ. Верно, караулу разрешено приставать только к подданным. И вот еще: на прохожих не орать и держать язык за зубами. Не дело стражи — болтать меж собой для пользы дела.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Чай не первый день в караулке — знаем: чтобы не разболтаться, надо прикорннуть.

ЧЕРТОПОЛОХ. Сразу видать настоящего стражника старой закваски. Ты прав: спя не согрешишь. Но если у вас алебарды сопрут в спящем виде, пеняйте *под себя*. А как проспитеесь — марш по кабакам разгонять пьянчужек — пусть их тоже поспят.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. А если кто откажется?

ЧЕРТОПОЛОХ. Пусть трезвеет в одиночку. Если он и тогда не отстанет, растолкуйте ему, что он вами *спутался* с кем-то другим.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Исполним, сэр.

ЧЕРТОПОЛОХ. Наткнетесь на вора, ваша святая обязанность — подставить его честность под сомнение. Но к людям этого сорта лучше совсем не соваться — слишком мало чести для них и много для вас.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. А если мы застигнем вора с поличным, хватать его или не хватать?

ЧЕРТОПОЛОХ. Конечно, это ваша святая обязанность. Хотя, по-моему, только свяжись с дерьмом — не отмоешься. Если нападете на вора, пусть только попробует что-нибудь украсть. Тогда лучше всего — дать ему смыться, потому что такой тип вам не компания.

ОБРЕЗОК. Добрый ты человек, дружище, и всегда слыл таким.

ЧЕРТОПОЛОХ. Да, я по своему *недосмотру* даже собаку не повешу, а здесь как-никак люди, каждый из которых, может статься, по-своему неплох.

ОБРЕЗОК. Услышите, где ребенок расплачется, зовите его няньку, а то он всех перебудит.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. А вдруг она не проснется, как мы не кричи?

ЧЕРТОПОЛОХ. Спокойно ступайте прочь. Может, детские вопли все же ее поднимут. Если ягнячье блеянье не пробуждает овцу, то ей нипочем и бычье мычанье.

ОБРЕЗОК. И то правда.

ЧЕРТОПОЛОХ. На том и конец вашей работе. Ты будешь за главного, главный у нас принц, значит, по ночам ты его *засместишь*. Приметишь его особу, имеешь право арестовать не глядя.

ОБРЕЗОК. Ну, это вряд ли, разрази меня гром!

ЧЕРТОПОЛОХ. Пять шиллингов к одному, что ничего не вряд ли. Если, конечно, принц соизволит *арестоваться*, а ты *бездействуешь* на основаниях закона. Ибо караул ни за что не потерпит насилия, а хватать людей по ночам, значит, насиловать их.

ОБРЕЗОК. Побей меня гром, и это правда!

ЧЕРТОПОЛОХ. То-то же. Слушайтесь, господа, старших по знанию да и сами не будьте дураками. Попадете в переделку, зовите на помощь меня. Идем, сосед. Доброй вам ночи.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. И вам того же, господа. Можете на нас положиться: часов до двух покараулим здесь, у церкви, потом завалимся спать.

ЧЕРТОПОЛОХ. Да, кстати. Будьте настороже. Синьор Леонато

завтра дочку выдает, ночью у них там будет дым коромыслом. Придется, стало быть, и вам *побдить* малость.

(ЧЕРТОПОЛОХ и ОБРЕЗОК *уходят.*)

Входят БУТЫЛЬО и КОНРАД.

БУТЫЛЬО. Эй, Конрад!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК (*шепотом*). Тихо! Не шевелись!

БУТЫЛЬО. Конрад, сюда!

КОНРАД. Я и так тут. У тебя под рукой.

БУТЫЛЬО. А я-то думаю, с чего это у меня рука чешется? Не запаршивел ли я?

КОНРАД. Ох, и допросишься ты у меня! Давай рассказывай, что было дальше.

БУТЫЛЬО. Лезь сюда, под навес, а то, кажется, дождь собирается. Так и быть, выложу тебе всю подноготную. Был бы трезвый, нипочем не сказал бы.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК (*шепотом*). Кажись, измена. Стойте здесь, и чтоб ни слова.

БУТЫЛЬО. Так вот, я получил с дона Джона тысячу дукатов.

КОНРАД. Я должен верить, что мерзавцам хорошо платят?

БУТЫЛЬО. Нет. Поверь, что мерзавцы хорошо расплачиваются. Видишь ли, свои подлости богачи делают руками бедняков, а за это бедные вправе потребовать с богатых любые деньги.

КОНРАД. Ничего не понимаю.

БУТЫЛЬО. Потому что не знаешь жизни. Как по-твоему, если человек держится какого-нибудь стиля, выбирая себе, скажем, камзол, шляпу или плащ, он поступает правильно?

КОНРАД. Одежда, она одежда и есть.

БУТЫЛЬО. Я не об одежде спрашиваю.

КОНРАД. А о чем?

БУТЫЛЬО. О стиле.

КОНРАД. Я и говорю: стиль, он и есть стиль.

БУТЫЛЬО. Тьфу! А дурак, он дурак и есть. Так, что ли? Если хочешь знать, этот самый стиль любого человека может изуродовать и обчистить.

ВТОРОЙ СТОРОЖ (*шепотом*). Кажется, я знаю, о каком Стиле разговор. Который ворует лет с семи, а выглядит что твой сэр. Надо же, вспомнил!

БУТЫЛЬО. Что это?

КОНРАД. Ничего. Флюгер скрипнул.

БУТЫЛЬО. Неужели ты не слыхал о проделках стиля? А ведь он всех с ума сводит. Особенно тех, кому уже есть четырнадцать,

но еще нет тридцати пяти. Порой он их одевает в стиле солдат фараона, словно сошедших с задымленных картин; иногда — в стиле жрецов Ваала, словно спустившихся с церковных витражей; а кое-когда — в стиле обритого Геракла, точно сбежавшего с вылинявшего и побитого молью гобелена, да еще с таким объемным гульфиком, что туда только палицу совать.

КОНРАД. Тоже мне новость! А то я не знаю, что одежда старится не столько от носки, сколько из-за выкрутасов стиля. Ты и сам, похоже, на нем свихнулся, если свел свой рассказ к болтовне.

БУТЫЛЬО. Нет, это я так, к слову. Знаешь, нынче ночью у меня было любовное свидание с Маргаритой. Я называл ее Геро, она же выглядывала из окна спальни своей миледи и от ее имени наговорила мне кучу любезностей. Ну, и дурак же я! Совсем забыл тебе сказать, что нас подслушивали принц и Клавдио. А соединил место, время и действие мой господин дон Джон.

КОНРАД. Как могли принц и Клавдио спутать Геро с Маргаритой?

БУТЫЛЬО. Я же говорю: мой хозяин — сущий дьявол. Во-первых, он отвел им глаза своими клятвенными заверениями; во-вторых, в ночной темноте они ничего не могли толком разглядеть; в-третьих, благодаря моей подлости клевета дона Джона превратилась в истину. В результате Клавдио взбесился и, убегая, поклялся завтра утром явиться в назначенное время в церковь; рассказать там все, чему он стал свидетелем ночью; публично опозорить Геро и тем самым оставить ее в безмужних дурах.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК (*выходя вперед*). Ни с места! Именем принца вы арестованы!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Бегите за господином констеблем! Доложите, что такого отвратного разврата, какой мы обнаружили, здесь ни у кого и в мыслях не было.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. А где Стиль? Думаете, я его не знаю? Весь такой кудрявый.

КОНРАД. Господа, господа, постойте...

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Вздумали покрывать Стиля? Дайте срок, я его из вас вытрясу.

КОНРАД. Погодите, господа...

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Мы тебе не господа. Вы арестованы. Следуйте за нами и не вздумайте сопротивляться.

БУТЫЛЬО. Хорошенькое дело: нос к носу столкнуться с алембардчиками!

КОНРАД. Можешь мне поверить, ничего хорошего в этом деле нет. Что ж, придется идти.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Комната ГЕРО.

Входят ГЕРО, МАРГАРИТА и УРСУЛА.

ГЕРО. Милая Урсула, разбуди Беатриче и попроси ее зайти ко мне.

УРСУЛА. Хорошо, миледи.

ГЕРО. Ей все равно пора вставать.

УРСУЛА. Я все поняла. (*Уходит.*)

МАРГАРИТА. Честное слово, мне этот воротничок нравится больше.

ГЕРО. Сколько можно, Мэгги? Я надену этот.

МАРГАРИТА. Прошу прощения, но он не самый лучший. Спросите вашу кузину. Я уверена, у нее такое же мнение.

ГЕРО. Она вечно городит вздор, а ты ей вторишь. Только этот и никакой другой!

МАРГАРИТА. Зато ваша фата чудо как хороша! Хотя более темные волосы в сочетании с ней смотрелись бы лучше. А покрой вашего свадебного платья просто изумителен. Правда-правда. В Милане я видела платье самой герцогини. Все им так восхищались.

ГЕРО. По слухам, это верх совершенства.

МАРГАРИТА. Рядом с вашим, говоря по-совести, ночная рубашка, да и только. Вроде ладно скроено, золотом расшито, серебром отделано, жемчугами усеяно, рукава удвоенные, юбка с голубой каймой, — а по красоте, изяществу, изысканности и оригинальности покроя десять таких платьев не стоят одного вашего.

ГЕРО. Дай Бог чтобы оно хорошо носилось! А то мне что-то тяжело на душе.

МАРГАРИТА. А скоро будет еще тяжелей. На теле.

ГЕРО. Тьфу на тебя! Стыд-то какой!

МАРГАРИТА. Ничего подобного, миледи! Что тут бесстыдного? Женитьба — дело благородное, даже если в брак вступает нищий. А ваш жених совсем не нищий, хотя еще и не вступил в брак. Будь он бестелесен, ваш супруг — с вашего разрешения я буду называть милорда Клавдио так, — тогда другое дело. Вы дурно истолковали мои слова, хотя ничего обидного в них нет. Что плохого я сказала? Что вашему телу придется тяжело? Но разве у законных супругов не единая плоть, которая, как минимум, удваивается? Именно это я имела в виду. В противном случае ни о каком единении говорить не приходится. Даже леди Беатриче согласится со мной. Вот, кстати, и она.

Входит БЕАТРИЧЕ.

ГЕРО. Доброе утро, кухня.

БЕАТРИЧЕ. Доброе-то оно доброе, дорогая Геро...

ГЕРО. Ты грустишь? Что стряслось?

БЕАТРИЧЕ. Вот именно: меня от грусти прямо так и трясет.

МАРГАРИТА. Вам надо встряхнуться. Заведите что-нибудь любовное, незатейливое, а я подтанцую.

БЕАТРИЧЕ. Нет уж, любовь без затей — это по твоей части. Если найдется мужчина, который тебя обротаает, то выводком он обзаведется незаметно для себя. С твоей, конечно, помощью.

МАРГАРИТА. До чего же извращенный взгляд на вещи! Но меня взнuzдать трудно — я брыкаюсь.

БЕАТРИЧЕ. Уже около пяти, кухня. Ты готова? Мне в самом деле что-то нехорошо. О-хо-хо!

МАРГАРИТА. Что это еще за вздох? Вы хвораете, у вас хандра или вам хочется замуж?

БЕАТРИЧЕ. Ни то, ни другое, ни третье. Меня смущает буква «х», с которой начинается слово «хорохориться».

МАРГАРИТА. Если вы хоть на йоту не стали турчанкой в любви, то Полярная звезда перестала быть путеводной для моряков.

БЕАТРИЧЕ. Вот дурочка! Интересно знать, что она имеет в виду?

МАРГАРИТА. Ничего особенного. Только бы Господь исполнил сердечные желания всех присутствующих.

ГЕРО. Как восхитительно пахнут перчатки, которые мне подарил граф! Ты чувствуешь запах?

БЕАТРИЧЕ. Нечем чувствовать: нос заложен. Меня ветром продуло.

МАРГАРИТА. Какой продувной ветер! Вы от него часом не надуетесь? С девушками это бывает.

БЕАТРИЧЕ. Господи, помилуй! В тебе прорезалось остроумие? Давно ли?

МАРГАРИТА. Не очень: когда у вас его — как отрезало. Но неужели остроумие мне не к лицу?

БЕАТРИЧЕ. По твоему лицу этого не скажешь. Пришпилила бы ты свое остроумие к чепцу, что ли. Говорю тебе: я плохо себя чувствую.

МАРГАРИТА. Несколько капель *бенедиктина* — и все как рукой снимет.

ГЕРО. Какой сладкий укол!

БЕАТРИЧЕ. Бенедиктина? Почему именно его? О чем ты хочешь сказать своим бенедиктином?

МАРГАРИТА. Ничего не хочу. И не мой он вовсе. Я просто предложила вам живительный ликер святого Бенедикта. Не беспокойтесь, ничего лишнего я о вас не думаю, — не такая дура. Я

вообще не должна думать о чем хочу, не хочу думать о чем могу и не могу думать о чем должна. Но если вдуматься в то, о чем стоит призадуматься, я бы никогда не подумала, что вы любите, желаете полюбить или намерены влюбиться. Тот же Бенедикт был во всем похож на вас — стал походить на мужчину; похвалялся перехитрить Купидона — и на тебе: ест то, от чего раньше нос воротил, да похваливает. Не знаю, обратитесь ли вы на путь истинный, но кое на что вы стали смотреть совсем по-женски.

БЕАТРИЧЕ. Как у тебя язычок-то рассскакался!

МАРГАРИТА. Зато не хромает.

Входит УРСУЛА.

УРСУЛА. Вам пора в церковь, мадам. Ваша свита — принц, граф, синьор Бенедикт, дон Джон и весь цвет неженатой молодежи города — уже в сборе.

ГЕРО. Милые мои — сестрица, Мэгги, Урсула — помогите мне переодеться. (*Уходят.*)

Сцена пятая

Другая комната в доме Леонато.

Входят ЛЕОНАТО, ЧЕРТОПОЛОХ и ОБРЕЗОК.

ЛЕОНАТО. Что тебе от меня надо, достопочтенный?

ЧЕРТОПОЛОХ. Небольшую *аудирекцию*, сэр, по одному случаю близко касательному вас.

ЛЕОНАТО. Если можно, покороче. Сами видите: некогда мне.

ЧЕРТОПОЛОХ. Еще как видим, сэр.

ОБРЕЗОК. Как не видеть, сэр.

ЛЕОНАТО. И что вам угодно, друзья мои?

ЧЕРТОПОЛОХ. Старина Обрезок, сэр, на старости лет еще не совсем спятил, чего с Божьей помощью я хотел бы ему пожелать. Но хотя человек он, как его ни крути, честный, он вам и расскажет кое о чем.

ОБРЕЗОК. Еще бы не рассказать. Я и впрямь честный слава Богу человек, особенно среди пожилых. Другого такого старика не вдруг сыщешь.

ЧЕРТОПОЛОХ. Ты бы уже рассказывал, дружище Обрезок, равняться по другим после будешь.

ЛЕОНАТО. Ну, вы и горазды время тянуть, друзья мои!

ЧЕРТОПОЛОХ. Как вам будет угодно, ваша милость, но наша дело — мало-помалу тянуть лямку принцовой стражи. Впрочем, верьте слову, будь у меня этой тяготы, сколько на королевской службе, я бы ее, в свою очередь, подарил вам.

ЛЕОНАТО. Всю свою тягомтину мне?! Славно!

ЧЕРТОПОЛОХ. Да, и еще бы от себя прибавил на тысячу фунтов. Ведь о вашей милости, как ни о ком в городе, все прилично *обзываются*. Мне и то, простому человеку, приятно это слышать.

ОБРЕЗОК. А мне разве не приятно?

ЛЕОНАТО. Вы скажете наконец, с чем пожаловали?

ОБРЕЗОК. Еще бы не сказать, сэр. Этой ночью наш дозор, на основании *бредписаний* вашей милости, подкараулил двойню таких отпетых негодяев, каким в Мессине нипочем не спется.

ЧЕРТОПОЛОХ. Да, сэр, старикан болтлив. Сказано ведь: чем старшее, тем дурее. Чего он только не посмотрелся, храни его Господь! — Верное твое слово, старина Обрезок, вернее, Божья твоя душа, некуда! Однако, если на коне двое, то один, уж не обессудь, сидит в хвосте. — Кому я только не преломлял хлеб, сэр, уж поверьте, более честного опять же человека не встречал. Но с поущения Господа все мы разные. — Такие, брат, дела.

ЛЕОНАТО. И не говори, приятель, ему до тебя далеко.

ЧЕРТОПОЛОХ. Это уж как Бог дал.

ЛЕОНАТО. С вашего разрешения, я вынужден вас покинуть.

ЧЕРТОПОЛОХ. Погодите, сэр. Нам в самом деле попались с поличным два опасных *преспутника*. Разрешите немедленно представить их вашей милости.

ЛЕОНАТО. Зачем?

ЧЕРТОПОЛОХ. Чтобы тут же при вас *причинить* им допрос.

ЛЕОНАТО. *Причины* без меня. А доложишь завтра. Как вы, наверное, заметили, я ужасно спешу.

ЧЕРТОПОЛОХ. И нам не к спеху. Мы все расследуем самым *скруполезным* образом.

ЛЕОНАТО. Сейчас вам поднесут по стаканчику. Потом можете идти. Прощайте.

Входит СЛУГА.

СЛУГА. Ждут только вас, милорд. Вам следует передать невесту жениху.

ЛЕОНАТО. Хорошо. Я уже иду.

(ЛЕОНАТО и СЛУГА уходят.)

ЧЕРТОПОЛОХ. Беги, дружище, к Жучку, пусть занесет в кутузку перо с чернилами: надо срочно завести дело на тех типов.

ОБРЕЗОК. Но чтобы все было по уму.

ЧЕРТОПОЛОХ. Будет. Дураков у нас нет. Пока варит этот котелок (*указывает на свою голову*), мы припррем к стенке всякого. И вот что: кликни секретаря заносить всю их дезинформацию на бумагу. До скорой встречи в тюрьме. (*Уходят.*)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

В церкви.

Входят ДОН ПЕДРО, ДОН ДЖОН, ЛЕОНАТО,
ОТЕЦ ФРЭНСИС, КЛАВДИО, БЕНЕДИКТ, ГЕРО, БЕАТРИЧЕ
и ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

ЛЕОНАТО. Сократите церемонию, отец Фрэнсис. Только самое необходимое, а о том, как вести себя после свадьбы, вам еще представится случай рассказать подробно.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. Вы хотите, сэр, заключить брак с этой леди?

КЛАВДИО. Нет.

ЛЕОНАТО. Он вступает в брак, а заключаете их вы, отец Фрэнсис.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. А вы, леди, хотите вступить в брак с графом?

ГЕРО. Да.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. Если имеются какие-то скрытые причины, мешающие совершению брачного обряда, я требую от присутствующих открыть их во имя спасения ваших душ.

КЛАВДИО. Геро, вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

ГЕРО. Нет, милорд.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. А вы, граф?

ЛЕОНАТО. Осмелюсь ответить за его сиятельство: нет.

КЛАВДИО. Ох, уж эти мне смельчаки! Какие только глупостей они не делают! Чего только не творят, не ведая, что творят! И так каждый Божий день.

БЕНЕДИКТ. Что означают эти пустые восклицания? Осмелюсь произнести нечто более осмысленное, например: ха-ха-ха!

КЛАВДИО. Постой, святой отец. — А вы, милорд,
Девицу эту, то есть вашу дочь,
Мне отдаете не по принуждению,
С открытым сердцем?

ЛЕОНАТО. Да, сынок, с открытым,
Как получил от Господа ее.

КЛАВДИО. Какой бесценный дар! А чем, скажите,
Могу я вам за щедрость заплатить?

ЛЕОНАТО. Не знаю... разве только мой подарок
Вернешь обратно?

КЛАВДИО. Вы, светлейший принц,
Давали мне уроки благородства. —
Вот ваша дочь — берите, Леонато!
Не стоит другу всучивать гнилье.
Она бесчестна и не от стыда
Девичьего краснеет, — от притворства.
Каким порой уверенным в себе
В одеждах правды выглядит порок!
Она зарделась — это ли не скромность?
Не целомудрие? Не чистота?
Судите сами: глядя на нее,
Поверит всякий, что она невинна.
Но нет, на ложе похоти она
Уже сгорала, и не добродетель
Окрасила ей щеки, а разврат.

ЛЕОНАТО. Что этим, граф, хотите вы сказать?

КЛАВДИО. Что свадьбе не бывать! Что с этой тварью
Я ни душой, ни телом не свяжусь.

ЛЕОНАТО. Милорд, постойте! Может быть, вы сами
Неопытное сердце завлекли
И овладели девушкой?

КЛАВДИО. Все ясно!
Хотите вы сказать, что я попал
В объятия Геро на правах супруга
И тем ее паденье оправдать?
Нет, Леонато, словно брат сестру,
Ее любил я; искренним и робким
Я с нею был и в мыслях не имел
Ее задеть двусмысленным намеком.

ГЕРО. Но разве оказалась я не той,
Какою вам казалась?

КЛАВДИО. Чтоб тебя!..
Казалась! В том вина твоя, что ты

Мне показалась чистой, как Диана,
И свежей, как раскрывшийся бутон,
А ты... ты сладострастней, чем Венера,
Чем алчущий совокупленья зверь,
Что, спариваясь, яростно рычит.

ГЕРО. Что с графом? Говорит он так бессвязно...

ЛЕОНАТО. А что же вы молчите, добрый принц?

ДОН ПЕДРО. А что тут скажешь? Стыд мне и позор

За то, что друга обручил со шлюхой.

ЛЕОНАТО. Вы, правда, так сказали? Я не сплю?

ДОН ДЖОН. Не спите, сэр, и вам сказали правду.

БЕНЕДИКТ. Какая ж это свадьба?!

ГЕРО.

Правду? Боже!

КЛАВДИО. Я, Леонато, сам себя не помню.

Кто это? Принц? А это? Брат его?

А это? Геро? Верить ли глазам?

ЛЕОНАТО. Да... но к чему вы клоните, милорд?

КЛАВДИО. Заставьте дочь родительскою властью

Ответить честно на один вопрос.

А не ответит — вы ей не отец!

ЛЕОНАТО. Я заклинаю, доченька: ответь!

ГЕРО. Нет больше сил! Спаси меня, Господь!

Зачем вы истязаете меня?

КЛАВДИО. Затем чтобы узнать, как вас зовут.

ГЕРО. Я что, уже не Геро? Кто из вас

Посмеет это имя опорочить?

КЛАВДИО. Порочность Геро может только Геро

Здесь подтвердить. Кому сегодня ночью

Открыли вы окно? С кем говорили?

Скажите честно, если вы честны.

ГЕРО. Ни с кем не говорила. Я спала.

ДОН ПЕДРО. Выходит, нечестны вы. — Леонато,

Мне жаль вас огорчать, но, слово чести,

И я, и брат мой, и несчастный граф

Свидетели того, как нынче ночью

Какой-то тип, отъявленный подлец,

С ней говорил о незаконных ласках,

Которым эта пара предавалась

Уже не первый раз.

ДОН ДЖОН.

Какая гадость!

Не то что говорить, но даже думать

Нельзя об этом: для таких речей

Нет в языке приличных выражений. —

Мне жаль тебя, распутная красотка!

КЛАВДИО. Не Геро ты! Могла б ты ею быть,
Когда бы вполовину подходили
Наклонности и помысли твои
К твоей прекрасной внешности. Прощай!
Ты всех прекрасней, ты грешнее всех,
Порочна в чистоте, чиста в пороке.
Я на замок врата любви закрою,
Глаза предубежденьем затемню,
Не стану впредь молиться красоте,
Но проклиная начну — из-за тебя!

ЛЕОНАТО. Хочу я смерти — дайте мне кинжал!

ГЕРО падает в обморок.

БЕАТРИЧЕ. Ты что, кузина?
ДОН ДЖОН. Дух ее затмили,
Из тени выйдя, темные дела.
Идемте. Нам пора.

(ДОН ПЕДРО, ДОН ДЖОН и КЛАВДИО уходят.)

БЕНЕДИКТ. Она жива?
БЕАТРИЧЕ. Не знаю! Геро! Дядя! Бенедикт!
Святой отец! На помощь!
ЛЕОНАТО. О судьба!
Ударь наверняка, не промахнись!
Ведь это выход — Геро от позора
Укроет смерть. Чего ж еще желать?
БЕАТРИЧЕ. Вставай, сестра!
ОТЕЦ ФРЭНСИС. Миледи, успокойтесь.
ЛЕОНАТО. Она не умерла?
ОТЕЦ ФРЭНСИС. С какой же стати?
ЛЕОНАТО. С какой? Ей разве все создания мира
Не вопиют «Позор!»? Она ль отвергла
Рассказ, что в ней румянцем проступил?
О, не живи и глаз не открывай!
Поверь я в то, что ты не умерла,
Что дух твой был сильнее твоих грехов,
Вслед за таким позором я бы сам
Тебя убил. Скорбел я, что одно
Дитя дано мне жадною природой,
Но много и одной тебя. Зачем
Одно свое дитя? Зачем тебя
Красавицей считал я? Почему

Не подобрал из милости у двери
Младенца побродяжки, о котором,
Погрязни он в бесчестии подобном
Иль запятнай себя, я бы сказал:
«Я ни при чем. Его позор исторгли
Чужие чресла». Но она — моя,
Моя отрада, гордость и любовь,
Моя настолько, что расстался я
С собой самим, ее боготворя, —
И вот она в такой болотной жиже,
Что добела отмыть ее, и плоть,
Проказой пораженную, спасти, —
Ни капель столько в море нет, ни соли.

БЕНЕДИКТ. Сэр, успокойтесь. Я и сам не знаю,
Что вам сказать, — настолько потрясен.

БЕАТРИЧЕ. Душой клянусь, обольгана сестра!

БЕНЕДИКТ. Вы, леди, с нею спали нынче ночью?

БЕАТРИЧЕ. Сегодня нет. Но, кроме этой ночи,
Мы спать ложились вместе круглый год.

ЛЕОНАТО. Все ясно! Ясно! Довод этот тверже,
Чем будь он сделан из железных прутьев!
Что, принцы лгали? Клавдио солгал?
А ведь он так любил, что грех ее
Омыл слезами, говоря о нем.
Несите прочь ее. Она умрет.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. Позвольте мне сказать. Я все молчал,
Судьбе не застя путь и наблюдая
За леди, и приметил сотни вспышек
Румянца на ее лице, который
На ангельскую бледность сотни раз
Невинность заменяла; я приметил
Огонь, сверкающий в ее глазах,
Что выжигал все заблужденья принцев
Насчет ее девичества. Считайте
Меня глупцом, не верьте моему
Истолкованию и наблюденью,
Что опытом скрепляет, как печатью,
Моих занятий книжных результат;
Не верьте ни летам моим, ни сану,
Ни святости, ни благости моей, —
Но девушку невинную сразила
Жестокая ошибка.

ЛЕОНАТО. Быть не может!
Сам видишь: капля чести в ней осталась.

Не спорит Геро, чтоб своих грехов
Не увеличить клятвопреступленьем.

Зачем же оправданиями ты

Стремишься правду голую прикрыть?

ОТЕЦ ФРЭНСИС (к ГЕРО). С кем, леди, вас застали?
ГЕРО.

Кто застал,

Тот знает; я не знаю. Если ж я
О ком-то из мужчин узнала больше,
Чем скромность девичья велит, пускай
Прощен не будет грех мой. Убедись,
Что я была с мужчиной нынче ночью
Иль с кем-нибудь обмолвилась словечком
В неподходящий час, — покинь меня,
Забудь навеки, до смерти забей!

ОТЕЦ ФРЭНСИС. На принцев нечто странное нашло.
БЕНЕДИКТ. Честь для двоих из них не звук пустой,

И если их рассудок с толку сбит,
То Джон замешан тут, бастард, чей дух
На подлостях весьма поднаторел.

ЛЕОНАТО. Не знаю. Если речи их верны,
Ее вот эти руки растерзают,
Но если честь ее задета зря,
Из них славнейший даст за все ответ.
Моей крови не высушило время
И старость разума не пожрала,
Судьба не разорила, а друзья
Пороками моими не изжиты.
Восстав от сна, отыщутся тотчас
И хитроумие, и сила в мышцах,
И средств набор, и лучшие друзья, —
Чтобы воздать врагам.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. Повремените.

Позвольте мне на это дать совет.
Для принцев ваша Геро умерла,
И, объявив, что так оно и есть,
Ее вы спрячьте втайне от других,
Наденьте траур мнимый, склеп фамильный
Надгробной надписью задрапируйте
И справьте похоронный ритуал.

ЛЕОНАТО. Зачем нам это надобно? К чему?

ОТЕЦ ФРЭНСИС. К ее же пользе. Перейдет злословье
В раскаянье — уже какой-то прок.
Но не о том я думал: план мой странный
Родит и больше — в муках родовых.

Узнав от вас, что умерла она,
 Едва ей предъявили обвиненье,
 Ее начнут оправдывать, жалеть
 И слезы лить по ней. Ведь сплошь и рядом
 Не ценим мы того, что есть у нас,
 Пока мы им владеем, но, утратив,
 Оцениваем вдвое и находим
 Достоинства такие в нем, каких
 Нам обладанье им не открывало,
 Когда оно всецело было нашим.
 И с Клавдио, едва узнает он,
 Что Геро погубил своею речью,
 Так будет: мысли светлые о ней
 Скользнут в трудах его воображенья,
 А все штрихи ее прекрасной жизни
 Украсятся чудесным одеяньем
 И в зрячей глубине его души
 Предстанут полнокровней и нежней,
 Чем перед смертью Геро. А имей
 Любовь к ней долю в сердце у него,
 Он облечется в траур и расхочет
 Винить ее, хотя б о ней и думал,
 Как о виновной. Если так случится,
 Успешным, без сомненья, будет дело —
 И в лучшем виде, чем я смог подать
 Событий вероятность. Ну, а если
 Прицел сойдет наш, молва о смерти
 Погасит слухи о позоре леди.
 А вовсе план сорвется, — спрячьте Геро
 В обители, приличной для ее
 Ущербной репутации, где нет
 Ни глаз, ни языков, ни оскорблений.

БЕНЕДИКТ. Вам, Леонато, дело говорят.
 Вы знаете, что Клавдио и принца
 Люблю я, близок им, но я клянусь
 Хранить все в тайне, вместе с вами быть,
 Как ваше тело с вашею душой.

ЛЕОНАТО. Я весь тону в печали и готов
 Как за канат, за ниточку схватиться.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. Пусть рана, странным образом у вас
 Возникнув, исцелится так же странно.

(К ГЕРО.)

Умри, чтоб жить, и, может, свадьбы час
Лишь отдален. Терпи же неустанно.

(Все, кроме БЕНЕДИКТА и БЕАТРИЧЕ, уходят.)

БЕНЕДИКТ. Вы плакали все время, Беатриче?

БЕАТРИЧЕ. Да, плакала и буду продолжать.

БЕНЕДИКТ. Мне бы этого не хотелось.

БЕАТРИЧЕ. От вас это не зависит. Я плачу по собственной воле.

БЕНЕДИКТ. Я твердо убежден: на вашу очаровательную сестру
возвели напраслину.

БЕАТРИЧЕ. Дорого бы я дала тому, кто оправдал бы ее.

БЕНЕДИКТ. Есть ли средство оказать вам такую услугу?

БЕАТРИЧЕ. Средство есть, слуг нет.

БЕНЕДИКТ. Может ли мужчина сделать это?

БЕАТРИЧЕ. Мужчина сделал бы — но это не ваше дело.

БЕНЕДИКТ. В целом мире я никого не любил так сильно, как
вас. Вам не кажется это странным?

БЕАТРИЧЕ. Кажется — как нечто, мне неизвестное. Возможно, и я сказала бы, что никого не любила, кроме вас. Но не верьте этому, хотя это и не ложь. Это не признание, но и не отказ. Я огорчена из-за сестры.

БЕНЕДИКТ. Клянусь моей шпагой, Беатриче, ты меня любишь!

БЕАТРИЧЕ. Вам бы не клясться шпагой, а проглотить ее.

БЕНЕДИКТ. Я буду клясться ею, что ты любишь меня, а кто скажет обратное, того заставлю ее проглотить.

БЕАТРИЧЕ. А вы своими словами не подавитесь?

БЕНЕДИКТ. Ни под каким соусом, который можно изобрести.
Заявлю открыто: я тебя люблю.

БЕАТРИЧЕ. Прости мне, Господи...

БЕНЕДИКТ. В чем ты хочешь покаяться, милая Беатриче?

БЕАТРИЧЕ. Хотела — в том, что я люблю вас. Но, к счастью,
вы меня остановили.

БЕНЕДИКТ. Вот и объяви об этом с открытым сердцем.

БЕАТРИЧЕ. Я люблю вас всем сердцем, поэтому оно закрыто
для объявлений.

БЕНЕДИКТ. Я готов для тебя на все — только прикажи.

БЕАТРИЧЕ. Убейте Клавдио.

БЕНЕДИКТ. Нет! Ни за что на свете!

БЕАТРИЧЕ. Своим отказом вы убиваете меня. Прощайте!

БЕНЕДИКТ. Дорогая Беатриче, не уходи.

БЕАТРИЧЕ. А меня уже здесь нет, хотя я еще не ушла. И это
по-вашему любовь? Прошу вас, дайте мне уйти.

БЕНЕДИКТ. Беатриче...

БЕАТРИЧЕ. Честное слово, я ухожу.

БЕНЕДИКТ. Но мы расстаемся друзьями?

БЕАТРИЧЕ. Проще навязаться ко мне в друзья, чем ввязаться в бой с моим врагом.

БЕНЕДИКТ. Значит, Клавдио — твой враг?

БЕАТРИЧЕ. Разве он не проявил себя отъявленным подлецом, когда оклеветал, оскрамил мою ближайшую родственницу, отрекся от нее? О! если бы я была мужчиной! Как! носить ее на руках, пока не повел ее за руку к венцу, а потом выступить с публичным обвинением, откровенной клеветой, неприкрытой злобой. О Боже! Почему я не мужчина! Я бы съела его сердце на площади перед рынком!

БЕНЕДИКТ. Послушай, Беатри...

БЕАТРИЧЕ. Говорила через окно с мужчиной! Ловко придумано!

БЕНЕДИКТ. Но, Беат...

БЕАТРИЧЕ. Милая Геро! Она поругана, оклеветана, уничтожена!

БЕНЕДИКТ. Бе...

БЕАТРИЧЕ. Принцы и графы! Заявление, достойное принца! Милейший граф! Леденцовое сиятельство! Сладенький кавалер, нечего сказать! О! ради этого мерзавца я готова стать мужчиной! Или найти друга, который стал бы мужчиной ради меня! Но мужество переплавилось в любезности, доблесть — в комплименты, от мужчин остались только языки и наряды. Нынче в храбрецах вроде Геркулеса ходит только тот, кто лживо клянется. Но если мне нельзя по желанию стать мужчиной, то можно умереть с горя женщиной.

БЕНЕДИКТ. Не уходи, милая Беатриче. Клянусь рукой, я люблю тебя.

БЕАТРИЧЕ. Хотя бы из любви ко мне используйте вашу руку на что-либо иное, кроме клятв.

БЕНЕДИКТ. В глубине души вы точно уверены в том, что граф Клавдио оболгал Геро?

БЕАТРИЧЕ. Уверена — как и в том, что у меня есть и душа, и вера.

БЕНЕДИКТ. Достаточно. Обещаю вам вызвать его на поединок. Целую ваши руки и откланиваюсь. Клянусь рукой, Клавдио заплатит мне по всем счетам. Считайте меня тем, что вы узнаете обо мне. Вам надо поддержать сестру, идите. Буду говорить, что она умерла. Итак, прощайте. *(Уходят.)*

Сцена вторая

Тюрьма.

*Входят ЧЕРТОПОЛОХ, ОБРЕЗОК и ПИСАРЬ в мантиях.
СТРАЖА вводит КОНРАДА и БУТЫЛЬО.*

ЧЕРТОПОЛОХ. Вся наша *осломбля* в сборе?

ОБРЕЗОК. Эй, скамейку для писаря! С подушкой!

ПИСАРЬ. Которые тут будут за злодеев?

ЧЕРТОПОЛОХ. Стало быть, я с моим напарником.

ОБРЕЗОК. Да, все в точности: мы должны *изъять* с них показания.

ПИСАРЬ. А кто будет вам показывать? Где *преспутники*? Пусть предстанут перед господином констеблем.

ЧЕРТОПОЛОХ. А ведь верно, пусть их *представятся* передо мной. — Как тебя зовут, дружище?

БУТЫЛЬО. Бутыльо.

ЧЕРТОПОЛОХ. Пожалуйста, Бутыльо, запишите. — А тебя, парень, как звать?

КОНРАД. Я из дворян, сэр, и зовусь Конрадом.

ЧЕРТОПОЛОХ. Записывайте: господин зовется Конрадом из дворян. — А в Бога вы веруете, господа?

КОНРАД и БУТЫЛЬО. Да, сэр, мы надеемся на это.

ЧЕРТОПОЛОХ. Пишите: они надеются уверовать в Бога. И сперва Бога укажи, потому что не дай Бог поместить Его вслед за этими негодьями. — Итак, господа, установлено, что вы вроде как плуты. Но вскоре мы с вами познакомимся поближе. Что вы сами о себе думаете?

КОНРАД. Что мы, сэр, и близко не плуты.

ЧЕРТОПОЛОХ. Право слово, до чего ловок, пройдоха. Но со мной такие штуки не пройдут. — Подойди-ка сюда, наклони ухо: поговаривают, сэр, вы все-таки плуты. Это я тебе говорю.

БУТЫЛЬО. А я вам говорю, что нет.

ЧЕРТОПОЛОХ. Хорошо, стань в сторонку. — Как перед Богом: они сговорились. Ты записал, что они нет?

ПИСАРЬ. Господин констебль, вы неверно снимаете показания. Вам надо сперва стражников допросить, их обвинителей.

ЧЕРТОПОЛОХ. А ведь верно. Пусть подведут стражников. Повелеваю вам обвинить этих людей от имени принца.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Вот он сказал, сэр, что дон Джон, брат принцев, негодяй.

ЧЕРТОПОЛОХ. Пишите: «Принц Джон негодяй». Но это же чистое лжесвидетельство — звать негодяем брата принцев.

БУТЫЛЬЮ. Господин констебль...

ЧЕРТОПОЛОХ. Прошу тебя, приятель, заткнись. Честно скажу: не нравится мне твоя рожа.

ПИСАРЬ. Что вы от него еще слышали?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ. Что он взял с дона Джона тысячу дукатов за ложную клевету на леди Геро.

ЧЕРТОПОЛОХ. Да ведь это же всем грабегам грабеж — ночью-то!

ОБРЕЗОК. То-то и оно, клянусь обедней!

ПИСАРЬ. Что еще, приятель?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ. Что граф Клавдио решил поверить ему, чтобы прилюдно обесчестить Геро и перестать на ней жениться.

ЧЕРТОПОЛОХ. Вот негодай! Тебя приговорят к вечному искуплению за это.

ПИСАРЬ. Еще что?

ВТОРОЙ СТОРОЖ. Больше ничего.

ПИСАРЬ. Этого вам с лихвой хватит, друзья, отпирайся не отпирайся. Принц Джон воровски скрылся ни свет ни заря. Геро была таким вот образом опозорена, безобразно покинута и от горя померла ни с того ни с сего. Этих людей, господин констебль, надо повязать и привлечь к Леонато. А я пока что побегу показывать ему их показания. (*Уходит.*)

ЧЕРТОПОЛОХ. Сейчас мы их перевяжем.

ОБРЕЗОК. А вот и веревки.

КОНРАД. Отвяжись, наглец!

ЧЕРТОПОЛОХ. Боже милосердный! Где писарь? Надо бы *запротоколировать*, что принца подданный — наглец. Скорей, вяжи их! Мерзкий прощелыга!

КОНРАД. А ты осел! Пошел вон, осел!

ЧЕРТОПОЛОХ. Вот ты какой! Ни *предпочтения* к моему сану! Ни *предпочтения* к моим годам! Жаль, писарь ушел, а то бы он записал меня ослом. Я осел — запомните, господа. Хоть и не записано, но вы-то не забудьте: осел. — Ты подлец, ты, может, и *заполнен* благочестия, но у нас свидетели за просто *докажут* на тебя! Я человек бывалый, бери выше — служивый, бери выше — семейный, бери выше — не самый заваливающий кусок мяса в Мессине. Я и законы знаю — понял, и живу в достатке — понял, и *недостатков* у меня предостаточно, и мантии у меня целых две, и вообще все чин по чину. Ведите его! Одного жаль: не успел я записаться ослом! (*Уходят.*)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Перед домом Леонато.

Входят ЛЕОНАТО и АНТОНИО.

АНТОНИО. Ты так себя убьешь. Довольно глупо
Себя переживаньями терзать.

ЛЕОНАТО. Оставь советы. Слуху моему
Внимать им, словно черпать воду ситом:
Пустое дело. Мне не до советов.
Меня бы успокоил только тот,
Чьи горести похожи на мои.
Найди отца, чью радость бы разбили,
Который дочь любил подобно мне, —
Пусть он меня терпению поучит.
Объем его тоски сравни с моим,
И если горе отвечают горю
В той мере, как мучения у нас,
По форме, виду, образу, подобию;
И если он смеясь усы подкрутит,
Не стон, а крик исторгнет: «Прочь, печаль!»,
Пословицами залатает скорбь,
Прокутит с выпивохами несчастье, —
Зови его — и у него терпенья
Я прикуплю. Но нет таких людей!
Кто не знавал невзгод, тот утешает,
Советует, а доведись узнать, —
Совет свой возмущением взорвет,
Хоть прежде гнев лечил нравоученьем,
Безумье нитью сковывал, смирял
Дыханьем боль, агонию — словами.
Все люди о терпении твердят
Тому, кто корчится под гнетом скорби,
Но нет ни в ком ни выдержки, ни сил,
Терпя страданья, самому себе
Читать мораль. Так вот: оставь советы!
Страданья вопли громче уговоров.

АНТОНИО. Как отличить мужчину от ребенка?

ЛЕОНАТО. Молчи, сказал! Из плоти я и крови.
На свете нет философа, который

Легко б терпел зубную боль, хоть он,
Мог рассуждать, как боги, о терпенье
И отвергать превратности судьбы.
АНТОНИО. Но ты не должен мучиться один:
Так сделай, чтоб досталось и врагам.
ЛЕОНАТО. Тут я согласен. Ты сказал умно.
Я сердцем чую: Геро оболгали.
Скажу об этом Клавдио и принцу,
А также всем, кто оскорблял ее.
АНТОНИО. А вот как раз и Клавдио, и принц.

Входят ДОН ПЕДРО и КЛАВДИО.

ДОН ПЕДРО. День добрый!
КЛАВДИО. Вам обоим — добрый день!
ЛЕОНАТО. Милорды...
ДОН ПЕДРО. Леонато, нам пора.
ЛЕОНАТО. Пора, милорд? Тогда, милорд, прощайте.
Пора, сказали вы? А мне-то что?
ДОН ПЕДРО. Старик мой добрый, ссора ни к чему.
АНТОНИО. Да будь в ней прок, уже б один из нас
Заснул навеки.
КЛАВДИО. Мы-то здесь при чем?
ЛЕОНАТО. Ты мне нанес обиду! Ты, притворщик!
И не берись за шпагу — мне не страшно.
КЛАВДИО. Рука моя отсохни, если я
Такой дам повод старости для страха.
За шпагу взялся я непроизвольно.
ЛЕОНАТО. Молчи! Не смей смеяться! Шутки прочь!
Не глупость, не безумство речь моя,
Не прячусь я за возраст, не хвалюсь
Тем, что творил я в юности, и если б
Не старость, то же самое творил.
Ты нас с моею девочкой невинной
Так оскорбил, что этикет отбросив,
Тебя я должен вызвать на дуэль,
Хоть болен я и сед. Я повторяю:
Ты очернил невинное дитя,
Своею ложью сердце ей проткнул.
Там, в склепе родовом, куда ни разу
Не проникала скверна, Геро спит,
Твоею подлостью осквернена.
КЛАВДИО. Моею подлостью?!

ЛЕОНАТО. Твоей. Твоей.

ДОН ПЕДРО. Старик, неправ ты.

ЛЕОНАТО. Эту правоту,

Посмей принять он вызов, из него

Я вытрясу, и мне плевать на то,

Что он фехтует славно, что он ловок,

Здоровьем пышет и по-майски свеж.

КЛАВДИО. Поди ты прочь! С тобой я не дерусь.

ЛЕОНАТО. Ты дочь убил — и хочешь увильнуть?

Теперь мужнину одолей, мальчишка!

АНТОНИО. Двоих пусть одолеет — нас, мужчин.

И первого меня. Но мне не страшно.

Убьет меня иль ранит, — он за все

Мне даст ответ. Мальчишка, сорванец,

Иди за мной! Скажу тебе как джентльмен:

Я проколю тебя.

ЛЕОНАТО. Однако, брат...

АНТОНИО. Постой! Я, видит Бог, ее любил.

Она мертва, убита клеветой

Подонков, что мужской мне дать ответ

Спешат, как я — схватить змею за жало.

Щенки, мальчишки, плуты, хвастуны!

ЛЕОНАТО. Антонио...

АНТОНИО. Нет, я сказал, постой!

Я знаю их — со всеми потрохами —

И знаю цену этим буйным, наглым,

Разряженным мальчишкам, чье занятие —

Ложь, плутни, клевета, разврат, насмешки

И шутовство. Чуть осмелев, пугают

Своих врагов полдюжиной ругательств

И псевдо-грозным видом — вот и все.

ЛЕОНАТО. Но все же, брат...

АНТОНИО. Да погоди же ты!

Не вмешивайся. Справлюсь я и сам.

ДОН ПЕДРО. Решимость вашу мы будить не станем.

Душа моя в тоске от смерти Геро.

Но, слово чести, обвинили мы

Ее не зря — удостоверен точно

Проступок девушки.

ЛЕОНАТО. Милорд, милорд...

ДОН ПЕДРО. Мне недосуг вас слушать.

ЛЕОНАТО. Недосуг?

За мною, брат. Они услышат все!

АНТОНИО. Услышат. И заплатят нам за все.

(ЛЕОНАТО и АНТОНИО уходят.)

Входит БЕНЕДИКТ.

ДОН ПЕДРО. Явился тот, кого мы обыскались.

КЛАВДИО. Какие новости, синьор?

БЕНЕДИКТ. Добрый день, милорд.

ДЖОН ПЕДРО. Добро пожаловать, синьор. Вы чуть не опоздали, чтобы унять чуть ли не битву.

КЛАВДИО. Мы едва не остались с носом, который нам едва не откусили два беззубых старика.

ДОН ПЕДРО. Леонато со своим братом. Что ты думаешь на этот счет? Схватись мы с ними, не были бы ли мы для них чересчур молоды?

БЕНЕДИКТ. Невелика доблесть — ввязываться в несправедливую ссору. Я искал вас обоих.

КЛАВДИО. Мы тебя — тоже. Нами овладела глубокая тоска, и было бы неплохо избавиться от нее. Не поможешь ли ты нам своим остроумием?

БЕНЕДИКТ. Оно у меня в ножнах. Хотите — я его вытащу.

ДОН ПЕДРО. Неужели ты держишь свое остроумие на перевязи?

КЛАВДИО. Так его еще никто не содержал, хотя остроумие многих заканчивается для них перевязками. Я бы тебе предложил расчехлить его, как музыканты расчехляют свои инструменты. Расчехлай, что ли, доставь нам удовольствие.

ДОН ПЕДРО. Честное слово, он побледнел. — Это у тебя по болезни или от гнева?

КЛАВДИО. Выше голову, дружище! Хотя от заботы кошкидохнут, но от твоего нрава может сдохнуть и забота.

БЕНЕДИКТ. Напрасно вы прищипориваете свое остроумие: я могу сбить его на всем скаку. Прошу вас избрать для этой цели кого-нибудь другого.

КЛАВДИО. Придется одолжить ему другое копьё, поскольку свое последнее он разбил в столкновении.

ДОН ПЕДРО. Клянусь солнцем, ему делается все хуже и хуже. Кажется, он в самом деле испытывает гнев.

КЛАВДИО. Если так, то он знает, в чью сторону его направить.

БЕНЕДИКТ. Вы позволите отозвать вас в сторонку?

КЛАВДИО. Уж не вызов ли это, господи помилуй!

БЕНЕДИКТ (*тихо*, КЛАВДИО). Вы подлец. Это не шутка.

Я могу доказать это как хотите, чем хотите и когда хотите. Вы должны дать мне удовлетворение, иначе я ославлю вас как труса. Вы погубили прекрасную леди, и ее смерть падет на вашу голову. Каким будет ваш ответ?

КЛАВДИО. Положительным. Я рассчитываю на хорошее угощение.

ДОН ПЕДРО. Что-что? Пирушка? Пирушка?

КЛАВДИО. Вроде того. Спасибо Бенедикту за приглашение на телячью голову и каплуна. И если я не разделаю его как следует, значит, мой нож не годится для разделки. А вальдшнепа там не будет?

БЕНЕДИКТ. Ваше остроумие хорошо подковано: скачет, как иноходец.

ДОН ПЕДРО. А твое остроумие намеренно расхваливала Беатриче — сам слышал. «У него, — сказал я о тебе, — блестящее остроумие». — «Правильно, — ответила она, — оно не без проблесков». — «Нет, — добавил я, — замечательное остроумие». — «Точно, — подтвердила она, — он так и нарывается на замечания». Я: «Завидное остроумие». Она: «На зависть его обидчикам». «Благородное остроумие, — продолжил я. «Несомненно, — подхватила она, — слишком благородное для остроумного». — «Однако, — заметил я, — он знает языки». — «В это я верю, — подхватила она, — в понедельник вечером он по-человечески поклялся мне в одной вещи, а во вторник утром взял свою клятву назад не по-людски. Налицо двуязычность. Как минимум, два языка он знает». Целый час кряду она таким образом извращала твои исключительные качества, пока, вздохнув, не сделала вывода, что равного тебе не найти во всей Италии.

КЛАВДИО. А потом сказала, что ей до тебя дела нет и разрыдалась.

ДОН ПЕДРО. Все так и было. И тем не менее: если б не ее смертельная ненависть к нему, она бы прониклась к нему нежной любовью. Обо всем этом нам поведала дочь старика.

КЛАВДИО. Вот именно: обо всем. Не исключая даже того, что «Бог наблюдал за его прятками в саду».

ДОН ПЕДРО. Когда же мы осеним здравомыслящую голову Бенедикта рогами взбешенного быка?

КЛАВДИО. И табличкой под ними: «Место жительства Бенедикта-женатика».

БЕНЕДИКТ. До встречи, дружок, — ты знаешь, о чем я. Оставайтесь в вашем словоблудном настроении — но без меня. Вы тупите свои остроты, как хвастуны острия своих шпаг, хотя ни те, ни другие, слава Богу, никого не ранят. — Благодарю вас,

милорд, за ваше расположение ко мне, но мне придется покинуть вашу компанию. Ваш незаконнорожденный брат бежал из Мессины. Вы вместе с ним погубили прекрасную и ни в чем не повинную девушку. Что же касается этого безусого господина, то мы с ним еще увидимся. А до тех пор пусть живет с миром. (*Уходит.*)

ДОН ПЕДРО. Он был серьезен.

КЛАВДИО. Более чем. Это все из-за любви к Беатриче, можете мне поверить.

ДОН ПЕДРО. Это был вызов?

КЛАВДИО. Самый что ни на есть откровенный.

ДОН ПЕДРО. Какое смешное существо — человек, когда он выходит из дома в камзоле и штанах, но без ума-разума.

КЛАВДИО. Такой человек — суший гигант мысли перед обезьяной, хотя обезьяна перед ним — суший магистр.

ДОН ПЕДРО. Ну да ладно. Необходимо настроиться на серьезный лад и хорошенько раскинуть мозгами. Он ведь что-то сказал о побеге моего брата.

Входят ЧЕРТОПОЛОХ, ОБРЕЗОК и СТРАЖА с КОНРАДОМ и БУТЫЛЬЮ.

ЧЕРТОПОЛОХ. Проходите, сэр. Если правосудие не сможет стреножить вас, то больше у него не будет никакого толку на своих весах вешаться. Ты заклятый проходимец, но мы тебя раскусим.

ДОН ПЕДРО. Что такое? Люди моего брата под стражей! И Бутыльо один из них!

КЛАВДИО. Пусть скажут, за что их взяли, милорд.

ДОН ПЕДРО. Господа, что натворили эти люди?

ЧЕРТОПОЛОХ. Так вот, сэр, они сочинили фальшивый донос; сверх того — измышляли ложь; во-вторых, возвели напраслину; в-шестых и в конце концов, оклеветали леди; в-третьих, удостоверили нечестные вещи; и в довершение всего, они лживые плуты.

ДОН ПЕДРО. Во-первых, я тебя спрашиваю: что они натворили; в-третьих, я тебя спрашиваю: в чем их преступление; в-шестых и в конце концов, почему они связаны; и в довершение всего, что им вменяют в вину?

КЛАВДИО. Логичное и детальное умозаключение. Клянусь честью, все об одном и том же и со всех сторон.

ДОН ПЕДРО. Что вы, совершили, господа? Почему вас связали и ведут на следствие? Речи этого ученого констебля слишком премудры — ничего не разобрать. В чем вы провинились?

БУТЫЛЬЮ. Благородный принц, остановите их. В следствии нет необходимости. Прошу вас выслушать меня, и пусть граф делает со мной, что хочет. Я отвел вам глаза, и ваш здравый смысл не

смог проникнуть в то, что извлекли на поверхность эти болваны. Нынче ночью они подслушали мой разговор с этим человеком. Я рассказал ему о том, как дон Джон науськал меня оболгать леди Геро; как вас провели в сад; как вы там стали свидетелем моих фривольных разговоров с Маргаритой, переодетой в платье Геро; и как вы бесчестили ее во время бракосочетания. Это злодейство занесено в протокол. И мне легче скрепить его печатью моей смерти, чем снова говорить об этой гнусности. Леди умерла из-за меня, из-за мерзкой клеветы моего господина. Одним словом, ничего, кроме возмездия за свое преступление, я не могу и желать.

ДОН ПЕДРО (КЛАВДИО). Сталь не впилась в тебя от этих слов?

КЛАВДИО. Я выпил яду, слушая его.

ДОН ПЕДРО. Тебя мой брат на это подстрекнул?

БУТЫЛЬО. И щедро оплатил мою работу.

ДОН ПЕДРО. Предательством одним он только жив,

И скрылся, преступленье совершив.

КЛАВДИО. Вновь, Геро, совершенный образ твой,

Что я любил, возник передо мной.

ЧЕРТОПОЛОХ. Все, пора вести истцов. Тем временем синьор Леонато уже дезинформировался нашим писарем. А вы, господа, будет время и место, не забудьте доказать, что я осел.

ОБРЕЗОК. А вот и господин Леонато с писарем.

Входят ЛЕОНАТО, АНТОНИО и ПИСАРЬ.

ЛЕОНАТО. Где он? Мои глаза должны взглянуть

На этого мерзавца, чтобы впредь

Других таких беречься. Кто из них?

БУТЫЛЬО. Злодей пред вами, если он вам нужен.

ЛЕОНАТО. Ты погубил невинного ребенка

Своим дыханьем, раб?

БУТЫЛЬО.

Никто, как я.

ЛЕОНАТО. Не лги, подлец, на самого себя!

Здесь руку приложили эти двое

Господ и тот, беглец. — Спасибо, принцы,

Вам за убийство Геро. Этот подвиг,

Как вам того хотелось, припишите

К деяньям вашим, славным и великим.

КЛАВДИО. Не знаю, как молить о снисхождении,

Но я скажу вам: выбирайте месть.

За этот грех приму любую кару,

Я заблуждался, значит — согрешил.

ДОН ПЕДРО. Клянусь душой, я — тоже. Но готов

Из уваженья к старому отцу
Снести я груз любого наказания.

ЛЕОНАТО. Не прикажу вам повелеть ей жить —
Не в нашей это власти, — но прошу
В Мессине объявить, что умерла
Невинной дочь, и если ваше чувство
И в скорби не отвергнет вдохновенья,
То надписью надгробною и гимном
Почтите в эту ночь ее останки,
А завтра утром будьте у меня:
Не смог в зятя пойти ко мне, пойдешь
В племянники. У брата дочка есть,
Для нас двоих наследница одна, —
Едва ль не копия покойной Геро.
Племяннице моей вручите то,
Что вы вручили бы ее кузине,
И месть моя умрет.

КЛАВДИО. Достойный сэр,
Мне ваша кротость увлажняет взор.
Готов на все я с этого мгновенья.
Располагайте Клавдио несчастным.

ЛЕОНАТО. Тогда до завтра. Буду очень ждать.
Теперь покину вас. А Маргариту
Сведем лицом к лицу с подонком этим.
Она увязла в этом гнусном деле,
Бежавшим вашим братом нанята.

БУТЫЛЬЮ. Клянусь душой, она не виновата.
Честна и добродетельна во всем,
Она не знала, говоря со мной,
Что происходит. Можете мне верить.

ЧЕРТОПОЛОХ. А еще, сэр, даже не будучи белым записано по-черному, этот правонарушитель произвел меня в ослы. Прошу вас, пусть это ему попомнят, когда будут за все взыскивать. А также стражники слышали их болтовню о некоем Стиле. Поговаривают, весь такой завитой, камертон на ухе и под залог Божьего Имени берет деньги взаймы. Практикуется он в этом давно, долгов не отдает и подавно, так что народ ожесточился сердцем и перестал ссужать его деньгами за ради Бога. Прошу вас, учините ему допрос и по этому делу.

ЛЕОНАТО. За честный труд и хлопоты спасибо.

ЧЕРТОПОЛОХ. Ваша милость выражается под стать признательной и достопочтенной юности. И я хвалю вас как перед Богом.

ЛЕОНАТО. Вот плата за труды.

ЧЕРТОПОЛОХ. Упаси Господи ваше имущество!

ЛЕОНАТО. Ступай, я снимаю с тебя груз ответственности за арестованных и благодарю за все.

ЧЕРТОПОЛОХ. Передаю этому отпетому негодяю вашу милость, каковую умоляю как следует наказать в назидание прочим. Храни вашу милость Бог! Желаю ей всего хорошего. И дай вам Бог поправить здоровье. С нашего разрешения смиренно прошу вас откланяться. А захотите встретиться по-хорошему, так это с *попущения* Господа. — Пойдем, сосед.

(ЧЕРТОПОЛОХ и ОБРЕЗОК *уходят.*)

ЛЕОНАТО. Теперь прощайте, господа. До завтра.

АНТОНИО. Мы ждем вас завтра, господа. Прощайте.

ДОН ПЕДРО. Мы не преминем.

КЛАВДИО.

Буду горевать

О Геро этой ночью.

(ДОН ПЕДРО и КЛАВДИО *уходят.*)

ЛЕОНАТО (СТРАЖНИКУ).

Веди их. Нам расскажет Маргарита,

Как с этим подлецом она сошлась.

(*Уходят в разные стороны.*)

Сцена вторая

Сад Леонато.

Входят с разных сторон БЕНЕДИКТ и МАРГАРИТА.

БЕНЕДИКТ. Прошу тебя, прелестная госпожа Маргарита, окажи мне услугу на скорую руку. Помогите мне повидаться с Беатриче.

МАРГАРИТА. А вы восславите мою красоту в каком-нибудь сонете?

БЕНЕДИКТ. В таком высоком ключе, Маргарита, к которому ни одно живое существо не подступится. Ты этого вполне заслуживаешь, слово истинной чести.

МАРГАРИТА. То есть я окажусь неприступной для всех живых существ? И мне придется всю жизнь торчать на приступочке лестницы?

БЕНЕДИКТ. Твое остроумие, словно борзая: так и подкусывает.

МАРГАРИТА. А ваше, словно тупая шпага: так и колет, но не прокалывает.

БЕНЕДИКТ. Мужское остроумие, Маргарита, не позволяет себе колоть женщин. И все-таки прошу тебя вызвать Беатриче: я сдаюсь и вручаю тебе свой щит.

МАРГАРИТА. Лучше вручайте нам свои мечи, поскольку мы пользуемся своими щитами.

БЕНЕДИКТ. От ваших щитов нет никакой пользы, когда мы пускаем в дело свои пики. От этого нашего оружия девушки совершенно незащитны.

МАРГАРИТА. Так и быть, схожу за Беатриче, которая, сдается мне, еще не обезножела. (*Уходит.*)

БЕНЕДИКТ. Стало быть она придет. (*Поет.*)

Любви божок,
Ты так высок.
Ты знаешь, ты знаешь:
Я жалость заслужил...

за свое песнопение, конечно, потому что любовь никого, ни неутомимого пловца Леандра, ни первого клиента сводников Троила, ни целого списка коверных рыцарей прошлого, чьи имена мягко скользят торной тропой белых стихов, так уверенно не выворачивала наизнанку, как мою собственную влюбленную и несчастную особу. А вот проявить свои чувства в рифмованном виде я не в силах. Я было попробовал, но на слово «госпожа» у меня пришились «сторожа» — весьма простодушная рифма; для «женат» нашелся «рогат» — чересчур рискованная рифма; а к «учиться» прилепился «тупица» — слишком детская рифма. Словом, крайсогласия более чем ужасные. Увы, звезда поэзии не осенила моего рождения, и я не могу ухаживать при помощи карнавальных фраз.

Входит БЕАТРИЧЕ.

БЕНЕДИКТ. Дорогая Беатриче, неужели ты пришла, подчинившись моему желанию?

БЕАТРИЧЕ. Да, синьор, и уйду, подчинившись вашей воле.

БЕНЕДИКТ. Останься хоть на время.

БЕАТРИЧЕ. На время? Хорошо сказано. Стало быть, прощайте. Но я не уйду, пока не разужнаю то, что привело меня к вам. Что произошло между вами и Клавдио?

БЕНЕДИКТ. Всего лишь обмен резкими словами, вследствие которых я должен тебя поцеловать.

БЕАТРИЧЕ. Резкие слова не более чем сотрясение воздуха, сотрясение воздуха не более чем ветер, а ветер грозит простудой. Следовательно, я уйду от вас нецелованной.

БЕНЕДИКТ. Ты лишаешь слова их подлинного значения: такова сильная сторона твоего ума. А я скажу без выкрутасов: Клавдио принял мой вызов. И теперь я либо получу от него кое-какую весточку, либо распишу его как труса. Но, прошу тебя, скажи, за какое из моих дурных качеств ты меня полюбила?

БЕАТРИЧЕ. За все скопом. Они так ловко удерживают вас во власти зла, что нет никакой возможности разбавить их добром. А от какой из моих добродетелей вы начали страдать любовью ко мне?

БЕНЕДИКТ. Страдать любовью! Хорошо сказано, ведь я в самом деле начал любить тебя назло самому себе.

БЕАТРИЧЕ. То есть назло вашему сердцу? Увы, несчастное сердце! Но если вы злите его ради меня, то мне придется позлить его ради вас: я не стану любить того, кто ненавидит моего друга.

БЕНЕДИКТ. Для мирного обмена любезностями у нас с тобой слишком много ума.

БЕАТРИЧЕ. Которого не так много в этой вашей фразе: ни один человек, обладающий умом, не станет его расхваливать.

БЕНЕДИКТ. Устарелое изречение, Беатриче, бывшее свежим аж во времена наших прародителей. А нынче, если человек не построят себе надгробия, пока жив, то, умерев, он будет жить в памяти, пока длится погребальный звон и вдовьи рыдания.

БЕАТРИЧЕ. И как долго, на ваш взгляд, это происходит?

БЕНЕДИКТ. Надо прикинуть. Час на перезвон, четверть часа на всхлипывания. Поэтому всякому умному человеку — если таковому не препятствует его собственный червячок по имени госпожа Совесть — надлежит трубить о своих достоинствах, что я и делаю. Но хватит мне хвалить собственную особу, которая — и я могу это подтвердить особо — вполне достойна похвал. А теперь скажите: что с вашей кузиной?

БЕАТРИЧЕ. Ей плохо.

БЕНЕДИКТ. А что с вами?

БЕАТРИЧЕ. Тоже ничего хорошего.

БЕНЕДИКТ. Молитесь Богу, любите меня и крепитесь. Но мне придется оставить вас — сюда кто-то бежит.

Входит УРСУЛА.

УРСУЛА. Мадам, поспешите к дяде. В доме дым коромыслом.

Как выяснилось, леди Геро почем зря оболгали, принц и Клавдио жестоко обмануты, и все это дело рук дона Джона, который бежал и где-то затаился. Немедленно идите туда.

БЕАТРИЧЕ. Синьор, вы хотите пойти со мной разузнать, что там к чему?

БЕНЕДИКТ. Я хочу жить в твоей душе, умереть у твоих ног и обрести вечный покой в твоих глазах. А сверх того — пойти с тобой к твоему дяде.

(Уходят.)

Сцена третья

Церковь.

Входят ДОН ПЕДРО, КЛАВДИО *и несколько* ЛОРДОВ
со свечами.

КЛАВДИО. Здесь Леонато склеп фамильный?

ЛОРД.

Здесь.

КЛАВДИО (*читает свиток*). Умерщвленная наветом,

Геро здесь в гробнице спит;

Вечной славою за это

Смерть ее вознаградит.

Жизнь, что свел в могилу стыд,

Смерть в почете оживит.

(Вешает свиток над гробом.)

Виси над ней: тебе под стать

Ее хвалить, а мне — молчать...

(МУЗЫКАНТАМ.)

Под музыку священный спойте гимн!

МУЗЫКАНТЫ (*поют*). Божество ночей, помилуй

Всех убийц девицы милой,

Что вокруг ее могилы

Ходят с песнею унылой.

Полночь, помоги стенаньям,
Воплям, вздохам и рыданьям
Скорбным, скорбным.
Чтобы мертвым возвратиться,
Отвори свой зев, гробница,
Скорбный, скорбный.

КЛАВДИО. Пускай твои останки мирно спят.

А мне — раз год свершать такой обряд.

ДОН ПЕДРО. Гасите свечи. Утро, господа.

Волков не слышно, нежная заря
Пред колесницей Феба серой дымкой
Затягивает дремлющий восток.

Спасибо всем. Оставьте нас. Прощайте.

КЛАВДИО. День добрый. Расходитесь, господа.

ДОН ПЕДРО. Переодеться надо поскорей

И отправляться к Леонато в гости.

КЛАВДИО. Дай нам исход счастливей, Гименей,

Чем тот, о чьем мы плачем на погосте.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Комната в доме Леонато.

Входят ЛЕОНАТО, АНТОНИО, БЕНЕДИКТ, БЕАТРИЧЕ,
МАРГАРИТА, УРСУЛА, ОТЕЦ ФРЭНСИС и ГЕРО.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. Не я ль твердил: она не виновата?

ЛЕОНАТО. Как принц и Клавдио, что по ошибке,

Как вам известно, Геро обвиняли.

Не без греха здесь только Маргарита,

Хоть и невольно, что открылось нам

На основание тщательных расспросов.

АНТОНИО. Я рад, что все неплохо завершилось.

БЕНЕДИКТ. Я тоже, а иначе для расплаты

Я Клавдио обязан вызвать был.

ЛЕОНАТО. Что ж, дочь моя и дамы, я прошу

Вас разойтись по комнатам своим.
Когда пришлю за вами, будьте в масках.

(ЛЕДИ *уходят.*)

Явиться в это время обещали
Мне Клавдио и принц. Ты знаешь, брат,
Что делать — стать отцом для дочки брата
И графу Клавдио ее вручить.

АНТОНИО. Все сделаю уверенно и точно.

БЕНЕДИКТ (ОТЦУ ФРЭНСИСУ). Я вас, отец, прошу...

ОТЕЦ ФРЭНСИС.

О чем, синьор?

БЕНЕДИКТ. Меня связать иль развязать меня —

То иль другое. — Леонато, ваша

Племянница взглянула на меня

Приветливо.

ЛЕОНАТО. Коль скоро дочь моя

Глаза взаимы дала ей, — это правда.

БЕНЕДИКТ. Мой взор любовью платит Беатриче.

ЛЕОНАТО. У Клавдио, у принца и меня

За этот взор в долгу вы. Что же дальше.

КЛАВДИО. На ваш ответ загадочный отвечу:

Мое желанье, совпадая с вашим,

Могло бы нашим стать, когда бы вы

Нас нынче пожелали бы связать

Законным браком, — в чем, святой отец,

На вас я полагаюсь.

ЛЕОНАТО. Всею душой

Готов вам удружить.

ОТЕЦ ФРЭНСИС. А я — помочь.

А вот идут и Клавдио, и принц.

Входят ДОН ПЕДРО, КЛАВДИО и ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

ДОН ПЕДРО. День добрый благородному собранию.

ЛЕОНАТО. День добрый, принц, и Клавдио, день добрый.

Мы рады вам. А вы решили, граф,

Венчаться с дочкой брата моего?

КЛАВДИО. Хотя с эфиопкой — слово я сдержу.

ЛЕОНАТО (к АНТОНИО). Сходи за ней: к обряду все готово.

(АНТОНИО *уходит.*)

ДОН ПЕДРО. День добрый, Бенедикт. Но в чем же дело,

Что у тебя февральское лицо, —
Такой мороз, туман и ураган?
КЛАВДИО. Он думает о бешеном быке.
Не бойся, мы покроем позолотой
Твои рога — порадуешь Европу;
Европу так же радовал Зевес,
Когда в скоты влюбленные полез.
БЕНЕДИКТ. Но тот мычащий весело бычок
Корове твоего отца помог.
Так благородный и созрел телок:
Как ты, мычал он глупости не в срок.

Входят АНТОНИО и ДАМЫ в масках.

КЛАВДИО. Я позже долг отдам. Сейчас не время. —
Какая леди мне принадлежит?
АНТОНИО. Да вот она. Вручаю вам ее.
КЛАВДИО. А я беру. — Откройте ж мне лицо.
ЛЕОНАТО. Нельзя, пока руки ей не дадите
И в жены взять ее не поклянетесь
Перед монахом.
КЛАВДИО. Дайте руку мне!
Клянусь перед святым отцом, что я
Вам стану мужем, если вы хотите.
ГЕРО. Пока жила, я вам была супругой...

(Снимает маску.)

А вы супругом — мне, пока любили...
КЛАВДИО. Другая Геро!
ГЕРО. Да, совсем другая.
Та умерла в позоре, я — живу
И непорочна, как и жизнь моя.
ДОН ПЕДРО. Живая Геро — та, что умерла!
ЛЕОНАТО. Погибла клевета — она воскресла.
ОТЕЦ ФРЭНСИС. На все недоуменные вопросы
О смерти Геро я отвечу вам,
Закончив церемонию святую.
Пока пусть чудо остается чудом,
А нам пора и в церковь поспешить.
БЕНЕДИКТ. Постойте. Кто здесь будет Беатриче?
БЕАТРИЧЕ *(снимает маску)*. Я буду за нее. Что вам угодно?
БЕНЕДИКТ. Вы любите меня?
БЕАТРИЧЕ. Ни да, ни нет.

БЕНЕДИКТ. Клялись мне в том и дядя ваш, и принц,
И Клавдио, — выходит, обманулись?

БЕАТРИЧЕ. Вы любите меня?

БЕНЕДИКТ. Ни нет, ни да.

БЕАТРИЧЕ. Клялись мне в том моя сестра, Урсула
И Маргарита — обманулись, значит?

БЕНЕДИКТ. По их словам, любовью вы больны.

БЕАТРИЧЕ. По их словам, вы от любви погибли.

БЕНЕДИКТ. Я жив. Так вы в меня не влюблены?

БЕАТРИЧЕ. Немножко. Из расположения к другу.

ЛЕОНАТО. Все вздор! Клянусь, ты влюблена в него.

КЛАВДИО. А я клянусь, что он в нее влюблен.

Вот вам бумага с почерком его,
Хромой сонет для «милрой Беатриче»,
Мертворожденный плод его ума.

ГЕРО. А вот бумага с почерком сестры,
Украденная из ее кармана,

Пылающая страстью к Бенедикту.

БЕНЕДИКТ. Удивительно! Наши руки настроены против наших сердец. Так и быть, я беру вас, но клянусь светом солнца, я делаю это из жалости к тебе.

БЕАТРИЧЕ. Не стану вам отказывать, но, клянусь дневным лучом, я уступаю под сильным давлением. Кроме того, надо вас выручать: говорят, вы помираете от чахотки.

БЕНЕДИКТ. Довольно! Я уста твои замкну! *(Целует ее.)*

ДОН ПЕДРО. Что скажет нам женатый Бенедикт?

БЕНЕДИКТ. Вот что я тебе скажу, принц: целый университет погремушечных острословов не сведет на нет моей веселости. Вы полагаете, меня заботят сатиры и эпиграммы? Если мужчина будет побежден силою ума, никто не скажет о нем ничего хорошего. Одним словом, если уж я вознамерился жениться, даже целый мир не отвлечет меня от моего намерения. И не смейтесь над тем, что я когда-то говорил нечто противоположное. Человек — существо переменчивое, вот и весь сказ. — Что же насчет тебя, Клавдио, то я было хотел тебя высесть, но поскольку мы вроде как породнились, живи в целостности и сохранности и люби мою кузину.

КЛАВДИО. А если бы ты отказался от Беатриче, как я на это рассчитывал, я бы палкой вышиб из тебя твою единственную жизнь, чтобы наказать за двурушничество, каковое твое качество, вне всякого сомнения, разовьется, если моя кузина не приструнит тебя как следует.

БЕНЕДИКТ. Хорошо, хорошо, останемся друзьями. Давай-ка потанцуем, пока мы еще ходим в женихах: мы облегчим сердца, наши невесты — ноги.

ЛЕОНАТО. Танцевать вы будете потом.

БЕНЕДИКТ. Нет, сейчас, клянусь честью! — Играй, музыка! — Принц, вы расстроены? Найдите себе жену, непременно найдите. Увенчанный рогом посох выглядит солидней.

Входит ПОСЫЛЬНЫЙ.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Милорд, ваш брат бежавший арестован
И стражею в Мессину возвращен.

БЕНЕДИКТ. Оставим его в покое до завтра. Я изобрету для него самые лучшие наказания. Играйте, флейтисты!

(Все уходят.)

24 июля 2003 — 4 июня 2006

